

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЗАРАЗА

ЕВГЕНИЙ ГАРЦЕВИЧ

Зараза

Евгений Гарцевич

Зараза

«Автор»

2022

Гарцевич Е.

Зараза / Е. Гарцевич — «Автор», 2022 — (Зараза)

Меня зовут Андрей Гагарин — позывной "Космос". Моя младшая сестра журналистка и она пропала без вести во время командировки в Сьерра-Леоне, где в очередной раз вспыхнула какая-то эпидемия. Под видом помощника популярного блогера я пробрался на последний гуманитарный рейс МЧС, чтобы пройти путем сестры, найти ее и вернуть домой... Я даже предположить не мог, что попаду в эпицентр самого настоящего зомбиапокалипсиса. А против меня будут не только зомби, но и обезумевшие мародеры, туземные колдуны и мощь огромной корпорации, скрывающей свои тайны.

© Гарцевич Е., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Евгений Гарцевич Зараза

Глава 1

Тяжело дыша девушка бежала по коридору, освещенному тусклым зеленым светом. Все время оглядывалась, пробовала открыть каждую дверь. Дорогу обратно она не помнила.

Украла ключ-карту у охранников, тихонько улизнула от группы журналистов, приглашенных на пресс-конференцию, и юркнула в неприметную дверь, спустилась по лестнице и обнаружила закрытый лабораторный комплекс.

Витрина лаборатории, комнаты для неизвестных испытаний, люди за стеклами в костюмах химзащиты, настолько сосредоточенные на своей работе, что никто даже и не заметил любопытную журналистку.

Еще один этаж вниз, а потом комната с чем-то настолько ужасным, непонятным и диким, что дерзкий азарт моментально сменился на всепоглощающий страх. Одна мысль – бежать. И она побежала, одной рукой тыкаясь ключ-картой в закрытые двери, а другой судорожно ища в сумке телефон.

Сирена взвыла по всему этажу, ровный зеленый свет сменился на истеричный красный. Послышались крики и топот.

Одна из дверей, наконец, поддалась. Девушка ввалилась в темную комнату, похожую на склад и заставленную клетками, в которых метались темные существа. Она закричала и выронила телефон, из которого послышался безликий голос: «Абонент не отвечает, оставьте сообщение после сигнала»...

Отель Радужный. Калининград. 14 марта 10:30

– Космос, ответь Мирному, – прохрипела рация, – вижу покупателей. Готовность десять минут. Как там профессор?

– Принял, – я ответил и повернулся к мужчине, с которым уже час сидел в номере-люкс пятизвездочного отеля. – Роман Юрьевич, не передумали? Покупатели приехали.

– Тревожно как-то, Андрюш, – профессор попытался улыбнуться, но вышла скорее кислая гримаса. – Не каждый день продаешь труд всей своей жизни. К тому же иностранной компании. Но мне, правда, очень нужны деньги, жена болеет.

– Не надо, Роман Юрьевич, нашли перед кем оправдываться, – я улыбнулся. – Соберитесь. Давайте повторим наш план действий.

– Да, конечно.

– Не забывайте, я ваш ассистент из аспирантуры. И здесь, просто, чтобы поддержать.

– Помню, но вы уверены? Вы, конечно, молодо выглядите, сколько вам, тридцать? И не такой, простите, мордovorот, как ваши остальные, но мне все же кажется, что вы плохо понимаете, кто такой аспирант.

– Профессор, расслабьтесь, – я взял его за плечи и мягко посадил на диван. – Главное, делайте все, что я говорю. А пока посмотрите телек, отвлекитесь.

Я не глядя щелкнул по пульту, включив телевизор на новостной канал. Теперь уже мне надо было успокоиться, при всей своей мимишности, старый профессор, уже реально подбе-

шивал. Ноет, мнется и мечется. И хоть мне не понять, что в голове у непризнанных гениев, но все равно раздражает. Да и ожидание всегда скука: ни соцсети полистать, ни в игру поиграть – телефон на базе оставил.

Профессор изобрел какой-то новый полупроводник, который не смогли оценить в его родном институте, зато заинтересовались на международном уровне. Причем аукцион был жесткий, многие остались недовольны проигрышем, но больше всех предложила японская корпорация. Я даже не пытался вникнуть, что и как он там изобрел и за сколько продал, моя задача – обеспечить безопасную и результативную продажу.

Ну как моя, скорее наша – небольшого (на двадцать, плюс-минус, рыл) молодого, но многообещающего стартапа на рынке частных военных компаний. «Красных волков» или на иностранный манер – Red Wolves, пара моих старых боевых товарищей организовали всего два года назад. Но мы уже засветились в нескольких военных конфликтах. Конечно, пока было далеко до лидеров рынка ЧВК. А до армии Global Diamond Corporation с их технической базой или G4S с полумиллионом сотрудников так вообще, как раком до Парижа, но нас уже знали и рекомендовали. Как и вот этой профессуре.

Я проверил, готов ли я сам. По сути всего третья моя операция, и с учетом долгого восстановления после ранения по меркам «Волков», я чуть ли не новобранец.

Укрепленный журнальный столик, который вмиг может превратиться в прочный щит, «курц» в диване, «глок» под днищем журнального столика, нож в кармане, плюс прикрытие снаружи.

Группа «волков» дежурит в соседнем номере, вооружившись полицейским тараном на случай скоростного прорыва сквозь гипсокартонную перегородку. Два снайпера в соседнем здании с прикрытием, плюс группа на парковке отеля в бронированном фургоне. Да еще в округе заплаченный почти за пятую часть гонорара местный ОМОН, чтобы либо к нам не цеплялись, либо, наоборот, прикрыли. Также несколько наших ребят вдоль Мамоновского шоссе, которое выведет профессора из Калининграда сразу до Гроновского погранперехода. А там уже контракт заканчивается.

В новостях по телевизору начался сюжет про Сьерра-Леоне, страну, за которой сейчас следил весь мир. Двух недель не прошло, как там нашли рекордно крупный сверхглубокий алмаз, внутри которого обнаружили неизвестный ранее минерал. А сейчас там началась новая волна пандемии. Вот только ученые никак не могли решить, новый ли это штамп ковида, подзабытая эбола или совсем уж экзотическое для цивилизованного мира бешенство.

Вчера было зафиксировано несколько случаев, при этом больные вели себя очень агрессивно – бросались на людей и кусались, будто действительно подхватили бешенство.

Если верить репортеру, то все шло к тому, что страну закроют на карантин. Что меня категорически не устраивало с момента, как моя сестра – специальный корреспондент агентства «Рейтер», поехала туда на научную конференцию, организованную гигантом Global Diamond Corporation по случаю очередного прорыва в алмазодобывающей отрасли.

«Глобал корп», как их называли в народе, за последние десять лет стали первыми во всем: алмазы, нефть, золото, фармацевтика, технологии, собственная армия и так далее и тому подобное. Куда ни плюнь, попадешь в сферу их деятельности или контроля. Хотя лучше не плевать, у «Глобалов» все быстро – либо мирным путем адвокаты затопчут, либо ЧВК собственную подтянут.

– Косоглазые подъехали, – прошипела рация хриплым голосом Ворона. – Трое, шарахаются от людей без масок. Выглядят, как ботаны, вроде лыбятся, но за респираторами не понять. Других не вижу.

Через десять минут в дверь аккуратно постучали, но профессор все равно встрепенулся и заерзал. Я на правах ассистента пошел открывать. Выдохнул, собрался, проверил, что быстро смогу выхватить пистолет, спрятанный в коридоре, и открыл дверь.

И искренне улыбнулся гостям. Реально ботаны – юрист, финансист и ученый, который чуть ли не копия нашего профессора. Гости нервничали, похоже ожидая от нас подвоха, но чуть расслабились, стоило профессуре начать щебетать о своих делах перед ноутбуком. Сейчас Роман Юрьевич что-то продемонстрирует, те что-то сверят, и, если все пучком, совершат перевод. Пьем кофе, курим, ждем.

– Мальчики, у вас нежданчик, – в ухо вклинился женский голос Ксюши, нашего компьютерного гения, координирующего все операции из штаба. – Я таки взломала «ковид-алерт» и пару спутников. Так вот, по спутникам вижу два «гелика», а по системе – ни чипов, ни идентификаторов. Так что это либо тачки-призраки, либо кто-то хочет незамеченным пробраться в отель к телочкам. Прием, как поняли?

– Хреново поняли, – прогудел Мирный. – Бамос, видите их?

– Вижу «гелики», въезжают во двор, – ответил наш старший снайпер, сын залетного на олимпиаду-80 испанца. – Действительно чудные. Визуального контакта нет. Стекла в тонировке, а тепловизор никого не видит.

– Космос, что у вас?

– По плану. Ждем перевод, – я отошел к окну, чтобы меня не слышали покупатели, оглянулся и в следующий момент, под грохот стекла, в меня влетели чьи-то тяжелые и жесткие ботинки.

Все произошло слишком быстро. Послышались новые удары в стекло, что-то кричали наши в рацию и завизжали профессора. А я еще летел через комнату, стараясь с одной стороны охать и ахать, поддерживая легенду аспиранта, а с другой упасть как можно ближе к дивану и спрятанному там оружию.

Покупатели среагировали моментально – щуплый лысый юрист, все время стоявший в обнимку с дипломатом, мигом преобразился, что твой ниндзя-самурай, и метнул блестящий цилиндр в сторону окна. С тихим хлопком по комнате побежала волна электромагнитного импульса, показав нам противника.

В момент взрыва я был уже за диваном, выбирая цель. Четыре сгустка света, похожих на марево в жаркий день, на несколько мгновений замерцали, проясняя силуэты экипированных и вооруженных бойцов.

Юрист, постоянно смещаясь, открыл огонь, просто ведя дипломатом в сторону окна. Уж не знаю, что у него там было внутри, но очередь полностью добила все стекла и, судя по красным пятнам на мерцающих силуэтах, кого-то она все же задела.

Я перевалился через диван и завалил столик, заодно схватив нашего профессора и грубо придавив его к полу.

На мгновение пальба стихла. Юрист заскочил в коридор и перезаряжал свою шайтан-машинку, нападавшие (трое еще были на ногах) тащили своего раненого в соседнюю комнату, профессор сопел под моим весом. По полу, мягко стучаясь о ковер, как в замедленной съемке, скакало две световых гранаты. Буквально доли секунд затишья, а потом всему вернули громкость.

Заорала рация вперемешку с выстрелами, поддержка снайперов с кем-то сцепилась на крыше соседнего дома, в коридоре раздался взрыв и взревела пожарная сигнализация, с грохотом появилась первая дыра в перегородке, и в этот момент все помещение залил слепящий свет, одновременно ударив по ушам.

Я еще в себя не успел прийти, как меня рывком оторвали от профессора и, словно плюшевого, метнули в стену с телевизором. Разбитая плазма чуть смягчила удар, и сломав журнальный столик возле стены, я свалился на пол.

Как только вспышка боли чуть отступила, я, кряхтя, приподнялся, оценивая ситуацию: у нападавших минус два, сквозь дырявую стену по ним хорошо прошлись, но сейчас в соседнем номере притихли, я упустил момент, как им ответили. У нас точно минус бойцовый юрист, его оглушенного как раз добивало искрящееся марево, а четвертый силуэт схватил профессора и, как кулек, тащил его на выход. В ухе голос Бамоса: «Космос, выведи этих ебанных призраков к окну, я на позиции».

Я выхватил нож и в момент, когда профессора пронесли мимо меня, прыгнул в то место, где предполагал спину противника. Зацепился и стал лихорадочно бить ножом в область шеи. Послышался скрежет, лезвие все время соскакивало, но на третий удар что-то щелкнуло, нож прошел глубже и мерцание вспыхнуло, явив уже не призрака, а обычного человека в шлеме с кучей гаджетов на лбу и кевларовом костюме, похожим на защиту мотоциклиста.

Он попытался меня сбросить, задрал руку, чтобы выстрелить, но я успел раньше и воткнул нож в слабо защищенную подмышку. А потом вывернулся, почти слезая с него, и ногами оттолкнулся от стены, вынося нас на центр раздолбанной комнаты. Соскочил, ударил под колени и подтолкнул к окну.

Для Бамоса, сидящего в здании напротив, это не расстояние, особенно с пятидесятым калибром «немезиса» в руках, и «призрак» неуклюже взмахнув руками, повалился на пол.

Последний гость, возможно подраненный, так как наряд невидимки уже не действовал, схватив ноутбук профессора, выбежал из номера. А там нарвался на заградительный огонь. Решив, что парни справятся, я бросился к своей главной цели – проверять лежащего без сознания профессора.

Первый удар я пропустил. За грохотом в коридоре я не услышал, как «призрак» вернулся. Хорошо хоть пустой или слишком самоуверенный, но стрелять он не стал, а просто попытался долбануть меня ногой, когда я наклонился над профессором.

Скорее на инстинктах, заметив краем глаза несущееся темное пятно, я успел сдвинуться и подставить плечо. А потом взвыл от боли, когда в суставе что-то оборвалось. Диван, в который меня впечатало, принял меня, как родного. Правая рука не слушалась, наливаясь тупой ноющей болью, зато левой я, наконец, добрался до «курца». И когда «призрак» подскочил ко мне, чтобы добить, я опередил его буквально на мгновение, прострелил коленную чашечку, а потом уже не сдерживаясь повел стволом вверх, давя на гашетку и разрывая вдребезги поликарбонат на шлеме.

Как только четвертый рухнул, все разом стихло. Все, кроме криков в рации. наших погибло семеро, треть всего боевого состава «Красных волков».

Ребятам в соседней комнате, которые так и не смогли пробить стену, забросили что-то настолько убойное, что не выжил никто. Вынесли снайперскую поддержку, и в бою у лифтов еще двое получили ранения несовместимые с жизнью. Юрист с финансистом так же не пережили встречу, но хоть деньги успели перевести.

Нападавших в общей сложности положили двенадцать человек, две четверки из «геликов» и прыгунов с крыши, ждавших нас заранее. Оповестительных знаков на них не было, но судя по оружию и уровню снаряжения мы сцепились с номером один – частниками «Глобал корп». И они такое не простят. Но жалеть себя было некогда, Ксюха уже сообщила о приближающейся полиции, так что подхватили выживших профессора с японским коллегой и бросились на эвакуацию.

Сделка с ОМОНОм себя оправдала. Вывозили нас почти с комфортом в крытой спецтехнике. Уже в машине Док вколол мне обезболивающее и вправил плечо, строго настрого запретив им двигать. И я, кивнув своим парням: Мирному и Бамосу, практически сразу отключился.

Своим – потому что этих двух в компанию привел именно я, знал их давно, а прошел с ними еще больше. От службы в «Заслоне» до операций «Волков» уже на условной «гражданке».

Мирный, он же Миха, он же Михаил Ковальчук – профессиональный военный, бывший боксер, а теперь жесткий штурмовик, или в зависимости от задачи, поддержка в нашей группе. Мирный получил свой позывной не за отношение к ближнему, а за первое место службы. Он мог бы играть в хоккей, не используя защиту, и все равно был бы в команде самым крупным. На заданиях, как правило, предпочитал идти напролом, с улыбкой и ручным пулеметом. В машине ему было тесно, под метр девяносто с развитой мускулатурой на уровне героя фильмов про бодибилдеров, он с улыбкой помог Доку вправлять мне плечо, спеленав меня в охапку.

Бамос, он же Рома, он же Роман Домингос, был ниже, но не особо тоньше и сильно старше. Весь состоял из противоречий. Уж не знаю, действительно ли горячая кровь испанского отца, но Бамос на задании и Бамос на гражданской – это были два разных человека. Хладнокровие и выдержка, присущие снайперам, напрочь исчезали, стоило только прозвучать команде «вольно». И будто меняли человека на вспыльчивого и гиперактивного. Сложнее всего было с ним выпивать – вообще не понятно, шутит он или пивную кружку поудобней взял, чтобы в толпу сейчас прыгнуть. Порой одного неверного слова хватало, чтобы потом половину гонорара отдать полиции, а другую владельцам разгромленного заведения. Снайпер он был высококлассный, хотя других в Red Wolves мы не брали.

Еще к своим я причислял Ксению, она же Ксюха, она же просто Ксю, – нашего хакера и гуру информационных войн, прибывшую к нам после одной из спасательных операций. Ее как раз и спасали, когда она взломала очень обидчивую корпорацию...

В окружающий мир я включился, когда мы приехали на временную базу. В Калининграде офиса у нас не было, так что арендовали ангар в промзоне с прилегающим к нему баром. Хотя, назвав ту дыру баром, я ей польстил.

Слепка из нескольких гаражей, низкие потолки, измазанные черкашами синего мела, потасканный бильярдный стол с замусоленным и прожженным бычками сукном, пара больших плазм с претензией на комфортный просмотр спортивных трансляций, несколько столов и диваны. Грязновато, но привычно и главное – и бар и ангар стояли на отшибе и легко охранялись.

Приехали, разгрузились, перегруппировались и загрузились обратно. Раненых отправили в бар, временно ставший лазаретом. Пару человек на охрану, а остальные погнали Романа Юрьевича дальше по маршруту.

После еще одного медосмотра я завалился на диван перед телеком. Шикнул на Мирного, попытавшегося переключить на спорт-канал и залип на очередные новости из Сьерра-Леоне. На экране выступал мужичок в полном костюме химзащиты, только забрало поднял и то дергался и нервничал, руки все время тянулись, чтобы его закрыть. По низу экрана побежала бегущая строка, объясняя, что это ученый вирусолог из какого-то там британского университета.

«На данный момент у нас отсутствует полная картина того, что происходит в стране. Учитывая неразвитую медицину, мы даже не знаем точное число заболевших и как протекает болезнь. Можем судить только о людях, обратившихся за медицинской помощью в некоторых элитных районах Фритауна. На данный момент уже двадцать семь подтвержденных случаев.

Единственное, что мы точно можем утверждать – это не ковид, не новый штамм. По первым симптомам кажется, что мы вернулись в средние века и это эпидемия бешенства. Те больные, кого мы можем наблюдать в продромальном периоде и в стадии разгара, ведут себя характерно для «рабиес вирус». На первой стадии – это температура, усталость, бессонница. Через несколько дней повышается чувствительность к малейшим

раздражениям органов чувств, больные начинают бояться света, воды, становятся раздражительными и буйными. При этом никто не помнит, что их кто-то укусил, но у всех есть следы на теле.

Единственное, что мы сейчас можем, это вводить пациентов в искусственную кому в надежде, что иммунная система справится сама. А иначе дальше паралич, потеря личности и извращенный аппетит.

Но еще раз повторяюсь, что происходит в других районах страны, да, даже города, просто страшно предположить. Больницы практически отсутствуют, а с верованиями местного населения и любовью к лечению посредством колдунов и магии, я даже боюсь предположить, что нас ждет. Так что я полностью поддерживаю решение закрыть страну на карантин».

– Че там чешет этот умник в костюме гандона? – пришел Мирный и протянул мне бутылку пива. – Пей, пока Платон не видит, он там в штабе с импортным профессором. Рвется и мечется, давно его таким не видел.

– Говорят, эпидемия новая в Сьерра-Леоне.

– А Катька туда же поехала? – Мирный мечтательно улыбнулся. – Вот не была б твоей сестрой, давно бы подкатил.

– Ага, только ты не ту мышцу качал, подкатилка-то не выросла. – Я пытался шутить, чтобы снять напряжение, но выходило плохо. Херово, когда младшая сестра в стране, где начинается жопа. – Не, ну она там не одна же. Их там целая делегация поехала, организуют эвакуацию-то. Не бросят наши своих же, вывезут.

Вроде, как бы, рано еще волноваться. Столько ковидных страхов, да ограничений пережили, Катька в первую волну в Италии почти месяц просидела, выехать не могла. Но я понимал, что говорю это все не Мирному, а себе, чтобы сбить накатившуюся тревожность.

В бар вошла Ксюха, держа подмышкой ноутбук, с которым никогда не расставалась, и, высмотрев меня с Мирным, двинулась к нам. По пути огрызаясь на стандартную порцию комплиментов. Народ хоть и сидел побитый, да перебинтованный, но Ксюху все равно не смог пропустить. Да ее и мертвый не пропустит. Стройная, этакая подруга байкера в кожаной куртке и таких же штанах, подчеркивающих аппетитный упругий зад.

– Андрей, – не дав ни мне, ни Мирному ничего сказать, сразу начала Ксюша, и протянула мне смартфон. – Это важно. Ты в штабе телефон оставил, а он орет дурниной, там уже десятки пропущенных вызовов.

Я похолодел. Глядя на свой старый простенький «редми», который я использовал только для гражданской жизни, и куда звонить могли только родители да сестра.

Бляяаять. Дрожащими руками я выхватил телефон, пролистал уведомления о пропущенных. Два первых от сестры, остальные от отца. Что-то было и на автоответчике. Я набрал номер оператора, чтобы прослушать сообщения и зажмурился.

«Братик, мне страшно. Я кажется, нашла что-то очень опасное, я не знаю, как обратиться...» – голос сестры, дерганый, будто говорит на бегу.

Сообщение оборвалось, а в следующем был только крик сестренки, от которого я так сжал смартфон, что заскрипел пластик. Крик оборвался и его сменило чье-то громкое сильное дыхание.

Глава 2

Нет, нет, нет... Сестренка, ну куда же ты опять влезла? Я несколько раз переслушал сообщения, чуть ли с ума не сходя от напуганного голоса сестры и странного хриплого дыхания какого-то уроды. Не уверен, что так может дышать человек. Если только обдолбанный нарик, пробежавший несколько километров и дорвавшийся до дозы. Столько вожделения и голода я даже представить себе не мог.

Остальные звонки были от отца. Восемь пропущенных и одно голосовое на автоответчике: *«Ответь, как сможешь. С Катей что-то случилось, мать в истерике. Даже говорить не может, смотрит новости и воеет».*

Я поднял глаза на телевизор. Спецвыпуск с ученым сменил новостной сюжет, но в центре внимания все равно осталось Сьерра-Леоне. Только теперь в новости попала информация о пропавших без вести российских журналистах. Над головой репортера, вещающего из Фритауна, в ряд выстроились фотографии – семь картинок, и с одной, самой крайней на меня смотрела моя младшая сестра.

– Ксю, – я с трудом унял дрожь в голосе. – Организуй мне, пожалуйста, билет на ближайший рейс до Москвы и оттуда во Фритаун, вроде через Париж или Стамбул можно попасть. Не важно сколько пересадок, главное, чтобы быстрее. Сколько бы это ни стоило.

– Уже ищу, – девушка заняла мое место, когда я встал, и застучала пальцами по клавиатуре.

– Эээ, погодь, – Мирный придержал меня. – Мы с тобой поедем.

– Я к Платону, перетереть, а потом решим, – я кивнул Мирному и бросился на выход из бара, искать главу нашего отряда.

Платона вместе с нашими старшими и японским профессором я нашел в ангаре. И уже по первым словам напряженного торга на ломанном английском стало понятно, что у нас новый наниматель, готовый заплатить тройную цену, лишь бы мы помогли вывезти и сохранить груз.

– Космос, твою мать, – вскинулся босс, когда я бесцеремонно вклинился в их разговор. – Проваливай и парням скажи, чтобы не бухали, выезжаем скоро.

– Платон, у меня жопа дома, мне свалить срочно нужно...

– Ты охуел? Мы треть группы потеряли, у нас проблем выше крыши и новый заказ. Чтобы у тебя там не было, давай не сейчас, а?

– У меня сестра пропала в Африке, мне ехать надо, – я покачал головой, понимая, что не получу нужного ответа, но все равно продолжил. – и Бамоса с Мирным отпусти со мной. Мы за неделю обернемся.

– Нет, ты точно охуел, – Платон повернулся к ученому и потряс руками, мол простите, не волнуйтесь, ща вернемся к нашим делам. – Космос, съеби. Вот реально, ты все равно ничем там не поможешь. Не кипишуй только и парней не баламуть, я вам всем такую премию выпишу, прихуете.

– Я не могу так. Неизвестность хуже смерти.

– Ооо, тут ты ошибаешься. Ты вообще знаешь, с кем мы в отеле схлестнулись?

– Да, какая разница!? – я начал закипать, не отпустит меня, партбилет на стол кину, да сам уеду.

– Большая, блять! – Платон выдохнул. – Это ЧВК «Глобалов» и они уже выставили ультиматум. Либо мы отдаем японца с грузом, и они это принимают, как извинения, либо мы с черными метками и заказом на наше истребление. И конкретно твоя, хоть и перекошенная,

рожа у них срисована, так что сиди тихо и не рыпайся никуда. Тем более в Африку, где они пол континента под контролем держат.

Я махнул рукой, мысленно послав Платона с его премией на хер, «Глобалов» с их черной меткой туда же. И стал убеждать себя, что он не прав – не в том, что не хочет отпускать нас в незапланированный отпуск, а в том, что я ничем не смогу помочь. Пока не знаю чем, и не знаю как, но точно знаю, что надо ехать. Надо делать хоть что-то, пусть и без ребят.

Я отзвонился отцу, мысленно поругав себя, что делаю это только на дни рождения, с новым годом, ну или когда у Кати проблемы. А проблемы у нее были часто – шило в жопе вкупе с верой в правду и справедливость, да плюс полнейшее неумение вовремя заткнуться в ее журналистских расследованиях да перестать совать свой веснушчатый нос куда не надо – все это уже несколько раз приводило либо к смене работы, либо к откупам от полиции или кого пострашнее. Но талант у нее не отнять. Я сам, далекий от тех тем, что она расследовала, постоянно зачитывался ее статьями. Как и отец, как и мать, которая сейчас рыдала за спиной у отца, твердя как заведенная: «Андрюша, найди ее», «Андрюша, верни ее». И я пообещал, что сделаю.

– Ну, че? – спросил Мирный, когда я вернулся в бар.

– Норм все, отпуск взял, – рассказывать детали я не стал, чтобы не усложнять. – Один поеду, а у вас, похоже, войнушка намечается, так что харе бухать.

– Тю! – Мирный приложился к бутылке, – пара часов есть еще, сейчас наши вернутся с границы, будем голосование устраивать.

– Да, понятно все. Платон лучше помрет, чем прогнется, да и японцы небось не бесплатно своего прикрыть просят, – я погладил нывшее плечо и отвернулся от Мирного. – Ксю, есть новости?

– Есть проблема, – девушка криво усмехнулась, совсем не по-девчачьи почесав себя за ухом, – но есть и решение.

– Не томи.

– Короче, страна уже закрыта на карантин. ВОЗ объявили новую эпидемию. Причем я даже успела тебе билет купить, но прям на глазах все рейсы поотменяли. Варианты в любом случае есть. Можно по старинке ножками, закинуть тебя в Либерию, оттуда горными тропами, проводник будет, но это долго, – Ксюша подождала мою реакцию и, увидев отрицание, продолжила. – МЧСники готовят рейс, повезут врачей и гуманитарную помощь. Официально я не могу тебя туда приписать.

– Но, у тебя же уже есть решение?

– Обижаешь! – Ксюха улыбнулась. – На борту будет пара журналистов. Некто Соколов – в прошлом звезда острых репортажей из горячих точек, а ныне очередной блогер, жаждущий поднять себе рейтинги, а с ним оператор. Ты его точно знаешь, он постоянно светится в каких-то скандалах – очень уже он в патриота-ватника долбит. В общем, Соколов готов подзаработать и взять тебя в роли помощника. Только надо будет подыграть и не спалиться, он уверен, что на месте военные жестить будут на фейсконтроле.

– Военные – это если повезет, там пол страны под контролем «Глобал корп», – вмешался Мирный. – А у нас с ними дружбы-то не было никогда, а сейчас так и вообще, а если я правильно понял, Катька, как раз к ним на алмазную шахту поперлась.

– В общем, если ты согласен, то у тебя вылет в Москву через полтора часа, а всю инфу, где кого дальше искать, я тебе скину на почту, – Ксюха подняла палец над клавиатурой, ожидая подтверждения, чтобы что-то там нажать. – Мне кажется, это отличный вариант. Закосишь под журналиста, сможешь пройти тем же путем, что и сестра. Все эти регистрации, аккредитации – по любому, на след выйдешь. Ну?

Специальный борт МЧС. 15 марта 15:37

– Батя, ты че такой бледный, зассал что ли? – спросил блондин, перекрикивая шум самолета.

Блондин мне не нравился. Молодой, наглый, будто до МЧС спасателем на пляже девочек развлекал. Звали его – Вадик. И, мне кажется, зря он так.

Единственного, кого я узнал в самолете МЧС – был Батя, а точнее Борис Леонидович. Знакомы мы не были, но пару лет назад Батя мелькал в телевизоре, сначала в новостных сюжетах, когда спас кучу народа в тонущем автобусе, а потом и главным героем в документалке «Дискавери» про устройство и будни спасателей. Крепкий мужик, сильный и с понятиями, и насколько помню, ответить может так, что мало не покажется. Но Батя меня удивил.

– Предчувствие какое-то, – Леонидыч оторвал взгляд от иллюминатора. – Будто не вернемся уже.

Иллюминаторов в трюме мчэсовского Ила была всего парочка, не под туристов птичка заточена, как и жесткие откидные сидения, которые мы заняли с Батей. Вадик было попытался втиснуться между нами и прильнуть к окошку, но натолкнулся на прямой взгляд Леонидыча, такой холодный, что даже я вдруг засомневался, а в Африку ли мы летим, и присел с краю, с моей стороны.

– Да, ну нафиг. Крайний рейс, разгрузимся в безопасной зоне, пассажиров высадим и уже завтра буханем, – сказал блондинчик уже не таким бодром тоном, а потом слегка подпихнул меня в бок. – А вот тебе, папарацци, все это нафига, я так и не понял? Кстати, у тебя что там, нikon? Я тоже фотографирую! Не профи как ты, конечно. Только у меня вот кэнон.

Отвечать я не торопился. Моя легенда подразумевала какие-то детали, но обсудить их с моим сопровождающим не удалось. Вообще, стоило прилететь в Москву, как все пошло не так.

Отвратительная мартовская погода, истеричные сообщения от Платона, странные, ничего не объясняющие новости из Сьерра-Леоне, разрывшееся плечо, а потом еще и Соколов дал заднюю. Начал втирать что-то про «Глобал корп», которые заняли большую часть самолета и отменили его бронь на второго оператора.

Я не хотел быть грубым. Да и оператор мне сначала понравился, нормальный вроде парень. Вот только, когда он рот открыл и на мои уставшие мольбы, что слово надо держать, высокомерно, выслуживаясь перед начальством, стал гнать меня из зала ожидания, что-то пошло не так.

Зря он осмелел и пошел провожать меня до выхода, да еще по коридорам, где не было свидетелей и камер. Левая рука у меня хоть и не рабочая, но ему оказалось достаточно. Минус разбитый нос за хамство и сломанный палец, чтобы официально отправиться на больничный. Хотя может и два пальца, там я уже что-то сам психанул.

Главное, что к самолету я вернулся в точном соответствии со штатным расписанием – Соколов плюс один. Объявили посадку, и звездный блогер хоть и порывался куда-то бежать, да жаловаться, получил короткий, но красочный инструктаж о возможных последствиях и притих, выбрав место подальше от меня.

Вадику я ответил что-то в духе: «такая вот работа» и кивнул на Соколова. В технике я немного понимал, и даже считал себя продвинутым любителем, но вопрос Вадика проигнорировал. Да и не нужен ему был ответ, просто нервничал парень, вот и слонялся по самолету, приставая к людям.

Покосился в иллюминатор, еще час где-то лететь, так что кроме облаков ничего и не видно. Огляделся на салон грузового самолета: человек тридцать, половина работяги-спасатели и только в дальней от меня стороне у противоположного борта разношерстная компания совершенно неуместная на старом Ил-76. Впрочем, как и я сам.

Гости держались обособленно, на всех красовалась новенькая форма сотрудников Global Diamond Corporation. То, что два шкафандрика с металлическими мордами на той стороне – охранники, было понятно сразу. А вот остальные: четыре додика, пожилая мегера и молодая симпатичная девушка могли быть кем угодно – от бухгалтеров до профессуры с аспиранткой.

И учитывая ту информацию, которая была доступна по Сьерра-Леоне, я бы поставил на вторую версию. Причем не просто какие-то ученые, а что-то ближе к вирусологам. Еще был вариант, что это геологи, которые едут делать оценку найденному алмазу и месторождению, но верилось в это с трудом – ни бород, ни потертых свитеров, да и гитару я в снаряге не видел. Стереотип, конечно, но мне нравилось мыслить образами.

Скрипнули динамики громкоговорителя и по салону разнесся голос пилота. Не вежливо приторный, как на гражданских авиалиниях, а с юмором, цинизмом и, к удивлению спасателей, нервными нотками, пилот сообщил, что самолет приступил к снижению.

– Дамы и господа, совсем скоро мы совершим посадку в международном аэропорту Лунги во Фритауне, столице Сьерра-Леоне. Погода на земле радует, сезон дождей еще не скоро, но перегрева нет, всего двадцать восемь градусов. Давайте считать эту командировку приятным мартовским отпуском. Надеюсь, вы не забыли захватить солнечные очки, крем от загара, а также респираторы и защитные костюмы. Обстановка в стране сложная, так что строго напоминаю о запрете любых контактов с местным населением, – капитан повторил все на английском, помолчал несколько секунд и вздохнул. – И еще парни, нездоровая какая-то херня творится и это я не про эпидемию. Диспетчер мутный, и что-то в небе пусто. Держитесь поближе к самолету, как разгрузимся. Нас запросят, и сразу же валим. Ждать никого не буду.

Я прошелся до своих вещей, точнее до наследства оператора. В отсеке со снарягой и грузом уже образовалась небольшая очередь из «глобаловских» ученых. Косились на меня, у аспирантки даже промелькнуло что-то похожее на интерес, но ничего не сказала. Она достала запакованный респиратор, защитные очки и комплект перчаток из ярко-красного рюкзака и, поглядывая на меня, отправилась на свое место.

И правда симпатичная, не красотка-гений с третьим размером из голливудских фильмов, но в меру спортивная и ладная, без выдающихся частей тела. Откуда-то из Европы, может француженка или англичанка с их характерным налетом высокомерия – не наша в общем простая и чистая душа. Чем-то на мою бывшую похожа, только во взгляде не стервозный огонек, а искренний интерес ко всему окружающему.

Светлые волосы, длинная челка зачесана на бок, скрывая левую часть лица. Да и вообще девушка все время старается держаться левой стороной подальше от посторонних взглядов. Но получилось у нее плохо, а может наметанный глаз профессионального стрелка легко выцепляет все детали. Там, под волосами, на скулах ближе к уху проглядываются пятна шрамов или ожогов, будто каплями кислоты брызнули когда-то очень давно. Девушка похоже комплексует, а на мой вкус, очень симпатичное лицо, было бы интересно портрет сделать, будь я настоящим фотографом.

Вещей у меня оказалось немного, почти все, косясь на меня злобным взглядом, Соколов забрал сам. Мне осталась сумка с фотиком, запасными объективами и аккумуляторами, да баул по типу армейского, большую часть в котором занимал бронежилет с надписями «PRESS» на груди и спине, российским флагом на правом плече и наклейкой с названием «ютюб» канала Соколова на левом.

Звездный блогер уже надел такой же, только название канала у него было на всю грудь. Уж не знаю, понты эти были, те самые, что дороже денег и пота, или реально ожидалась стрельба, но, чтобы не вызывать подозрений, я тоже накинул на себя десять лишних килограмм. А сверху бейджик, который Ксюха подготовила еще в Калининграде – Андрей Гагарин SOKOLOV TV.

Фамилию Ксюха мне оставила родную, на случай паспортных проверок, хотя я просил что-нибудь попроще. Родственником великого космонавта я не был, просто однофамильцем, но шуток еще со школы натерпелся.

Надеть броник и не скривиться от боли в плече, оказалось нелегко, особенно, когда начало трясти самолет. Дважды отдышал, делая вид, что перебираю снаряжение. Защитные очки у меня тоже были, только не медицинские, а противоосколочные. Мои рабочие чуть поцарапанные пятисотые «Болле» – я повесил их на шею. Из защитного снаряжения я также вез с собой наколенники и индивидуальную аптечку.

Еще в аэропорту Калининграда купил пару комплектов летней одежды и раздобыл книжку «фотография для чайников» в яркой черно-желтой обложке, чтобы матчасть подтянуть. Плюс всякой мелочи для комфортной поездки, но забыл зубную щетку с пастой. А вот это плохо. В каких бы условиях не пришлось работать, но личная гигиена всегда выступала для меня неким якорем, позволяющим оставаться в реальности. Точнее трезво ее оценивать и верить, что хаос, жестокость, а порой и равнодушие вокруг – это не весь мир, что есть где-то там нормальная жизнь, в которую можно вернуться.

Наконец переоделся, подхватил разом похудевший баул и вернулся на место. Достал фотоаппарат, открутил телевик и поставил светосильный полтинник. Полнокадровая зеркалка неожиданно показалась слишком тяжелой, руки задрожали, но это не страх. Вспомнилась сестра, как на первых курсах помогал ей делать домашние задания, тоже выступая в роли оператора или фотографа. У меня как раз был период после увольнения и до «Красных волков», когда я восстанавливался после ранения, и кроме качалки заняться было нечем. Мы тогда всех соседей достали, бродя по квартирам и приставая с расспросами, кто ворует мусор из контейнеров.

Надеюсь, что еще не поздно. Я откинулся на жесткую спинку и прикрыл глаза.

Лучше бы этого не делал, самолет трянуло, по всему борту будто стон прошелся, вот-вот и трещинами пойдет старичок. В мыслях возникла картинка, как мы разваливаемся пополам, на землю летят кричащие ученые, а вслед за ними несутся грузовые контейнеры с гуманитарной помощью, оборудованием «Глобал корп» и визжащий Соколов. А я не успеваю найти сестру.

Стоило только хоть как-то отключиться от мыслей о сестре, так на их место сразу пришло беспокойство за «волков». Как они там? Что решили? Пока в Москве пересаживался с рейса на рейс и была связь, совещание еще не закончилось. А вот теперь хрен его знает, что теперь. Но от охранников ученых я старался держаться подальше – отворачивался, когда шли мимо или прятал лицо под медицинской маской.

В отеле я как минимум дважды оказывался лицом к лицу с «призраком», а то что на шлемах были камеры, выдающие картинку в прямом эфире, сомневаться не приходилось.

– Эй, папарацци, ты там че, на войну собрался? – вернулся Вадик и, похлопав меня по бронику, все же протиснулся к иллюминатору. – Против гриппа то не защитит.

– А что защитит? – блондин был какой-то душный, прям бесячий, но я был рад перестать грузиться.

– А хер его знает, – парень, не оборачиваясь, дернул плечами. – Я к яйцеголовым пытался подкатить, поспрашать, да меня охрана отбрила. Зачем их только на борт взяли?

– Слушай, а у тебя запасной зубной щетки нет?

– Неа, я и основную не брал, считай одним днем летим, – самолет тряхнуло так, что Вадик стукнулся лбом об иллюминатор. – Блять! Полегче там, не картошку везете! Чего-то какая-то херь внизу творится. Зоркий глаз, глянь-ка.

Блондин отодвинулся, подпуская меня к окошку. Зубную щетку он не взял, а надушиться не забыл. Пахнуло смесью пота и дезодоранта, который по идее должен был с этим потом бороться. Не факт, что я пахну лучше, в бронике уже становилось жарковато.

Самолет со скрипом затрясся мелкой дрожью, выпуская шасси, будто его тоже лихорадило. В окошко уже можно было разглядеть ржаво-коричневые пятнашки городских районов Фритауна, перемежаемые зеленью, и залив Тагрин, разделявший аэропорт с городом.

М-да, а мне еще казалось, что в Домодедово сложно добираться, а здесь либо двадцать километров на пароме, либо в объезд по берегу, но уже в десять раз длиннее.

Может показалось, но во Фритауне что-то горело. Несколько струек черного дыма поднималось в разных районах города, хотя большая часть, конечно, из самых бедных. С того момента, как в стране воцарился мир и сюда хлынули деньги корпоратов, многое изменилось, появились бизнес-центры и районы для экспатов – все с дополнительной охраной. Но, похоже, и там что-то пошло не так.

Когда подлетели поближе, я смог разглядеть паромы в заливе и опять же, если зрение меня не обманывало, то один из них не только дымился, но и на нем мерцали всполохи, будто кто-то ведет огневой бой. В заливе было тесно, еще, конечно, не пробка, по помимо парома куча мелких суденышек неслись в сторону аэропорта.

– Народ, внимание! В округе идут бои, местное население твердо намерено покинуть страну, а соседи их уже перекрыли. Но не ссым, к нам навстречу выдвинулись миротворческие отряды вместе с частниками из «Глобал корп». Так что еще раз для самых тупых: садимся, те кому надо, сходят, мы заправляемся, разгружаемся и валим, на хрен, обратно. Мы на такое не подписывались.

Вадик заметно возбудился, зажегся огонек в глазах, похоже, уточнение пилота как раз к нему относилось. А вот ученые занервничали, по-русски среди них понимал только один, который начал им переводить, а потом отправился к кабине пилота.

Самолет зашел на посадку, в салоне все расселись по местам, вцепились, кто во что мог, и притихли. Один из мчсников перекрестился, профессор что-то бормотал с закрытыми глазами, даже вернувшийся Вадик, наконец, заткнулся, вцепившись в сиденье так, что костяшки на пальцах побледнели.

В иллюминаторе мелькнула посадочная полоса, пустырь с редкими деревьями вокруг, забором и ржавыми сараями неровно рассыпанными по округе. Зажужжали шасси под брюхом самолета, а еще через несколько мгновений нагруженный борт ткнулся о землю. Мы дернулись и начали торможение.

Я все время смотрел в иллюминатор, фиксируя происходящее. Видел скопления людей у здания аэропорта, мигалки машин – техслужбы и полиции.

ИЛ-76 приложился о полосу, понесся, сбавляя скорость, и через пару минут подрулил поближе к центральному зданию и остановился. Кто-то в салоне начал хлопать в ладоши. Я тоже хлопнул пару раз, но так чтобы не громко и без особого внимания. Взрослый, вроде,

человек, а не пойми откуда взявшаяся привычка, сродни суеверию, нет-нет, да и вылезет из глубин сознания.

В окошке на фоне легкого марева, похоже все-таки жарковато там, появилось несколько грузовиков: заправщик в голове колонны, и две фуры под выгрузку благотворительной помощи.

Приводы грузового люка тихонько зажужжали и по мере открытия люка, в салон стал проникать горячий влажный воздух, а вместе с ним и какая-то вонь. Этакая смесь бомжатника и медицинского кабинета после дезинфекции, ветер, дувший со стороны материка, пока не сильно, но уже вполне отчетливо распространял этот запах вокруг. Я поморщился и спешно достал респиратор, хотя если это и есть та самая зараза, то скорее всего уже поздно.

– Слюни, – мимо меня на выход проходила аспирантка и с улыбкой бросила мне по-английски, – передается через слюни, так что ни с кем не целуйся и не давай кусать. Маска от этого не спасет.

Фух, я хотел поблагодарить за совет, не думаю, что она стебется или шутит, ученые все-таки хоть что-то должны знать, раз едут сюда. Но сказать ничего не успел, фуры чуть свернули и за их силуэтами показались еще машины, очень популярные в Африке, но которые совершенно не хотелось здесь увидеть.

Старые, покоцанные и чуть ржавые технички Toyota с пулеметами на крышах и битком набитые людьми с оружием, выскочили из-за фарватера колонны, дали по газам и помчались к самолету.

Кто-то тоже их заметил и закричал, требуя прекратить открытие люка, но было уже поздно. Визг тормозов слился с грохотом выстрелов, и когда крышка люка уткнулась в асфальт, нас уже встречало две технички. Третья мелькнула в иллюминаторе, поехала светиться перед кабиной пилота. Из машин что-то постоянно кричали на смеси английского и менде, хотя может, это был темне или даже креольский – мне когда-то грозила командировка сюда, и я пытался разобраться в местных языках, но особо не преуспел, только некоторые слова различал.

Кричали грубо, но и без словаря было понятно, что бойцы (кто бы они ни были – проснувшиеся остатки ОРФ, простые озлобленные горожане, расчехлившие с чердаков и подвалов старенькие, но все еще убойные «калаши», или просто сброд и бандиты) захватывают самолет, а нам приказывают пройти на выход.

Снова раздались выстрелы, ближе к выходу за штабелями ящиков с гуманитарной помощью, закричал кто-то из мчсников. Закричал от возмущения, удивления и боли.

Я с трудом подавил желание тела начать готовиться к бою. И демонстративно стал шарить по груди в поисках бейджика, чтобы закрыться им, как щитом. Да еще начал дрожать для убедительности. Краем глаза поймал взгляд женщины-ученой, холодный, даже презрительный и очень обидный. Не переиграть бы.

Схватил бейджик, поднял глаза и уткнулся в дуло автомата.

Глава 3

Международный аэропорт Лунги. Фритаун. 15 марта 16:25

Ударили меня несильно, мужик с автоматом был ниже меня ростом, какой-то европеец из огромного числа авантюристов или гастарбайтеров, наводнивших страну с расцветом мощи корпораций. Да и размахнуться особо он не смог, а я наоборот вывернулся так, чтобы не пострадал ни фотоаппарат, ни больное плечо. Так что удар прикладом пришелся по касательной, не столько калеча, сколько подталкивая на выход. Баул подхватить я не успел, зато в кофр с техникой вцепился, как насадка в цыпленка, и, стараясь не пялиться на вооруженных людей, пригнул голову и без резких движений зашустрил на выход.

Краем глаза видел, что у мчсников все в порядке. То есть Вадик тоже огреб прикладом и, держась за окровавленный нос, под руку с Леонидычем движется вдоль второго борта.

За спиной слышались крики, грубые, истеричные – опять смесь языков с понятными вводными на «оставить все ценное и валить на хер из самолета». Не привлечь внимание не удалось, трижды меня толкали, а из грузового люка я вылетел от чьего-то жесткого пендаля прямо под самый край броника.

Самолет окружили, как новогоднюю елку на площади перед администрацией какого-нибудь городка в глубинке, где других развлечений не ожидается. Количество техничек удвоилось, сразу три из них встали перед «Илом», направив пулеметы на кабину пилотов, еще две держали под прицелом заправщик, а последняя наматывала круги чуть в стороне, пытаясь остановить толпу беженцев, несущихся от аэропорта.

Я прокрутил в голове несколько комбинаций, прикидывая в какой очередности можно завалить новую власть, но как ни крути больше трех, даже в этой суете, мне не вынести. А с больным плечом тем более, не успею ствол отобрать, как меня из технички порешат. Так что выключил разогретый пенделем режим «слабоумие и отвага» и активировал «тише едешь, дальше будешь».

Соколову досталось больше: и прикладом по морде получил, и выкинули его чуть ли не под колеса погрузчика, сновавшего туда-сюда с грузом. Я выхватил его почти из-под самых колес и оттащил чуть в сторону от самолета. И отыгрывая роль журналиста, прикинул к видеоискателю фотоаппарата.

Первый кадр – перевозбужденные захватчики, вокруг самолета их оставалось еще человек двадцать – носятся вокруг, машут оружием, периодически стреляя в воздух, в основном чернокожие, но есть и латиносы, и европейцы. Лица перекошены в беззвучном на снимке крике, злые лица – смесь помешательства, вседозволенности и страха. Внешне вообще не понять, болен ли кто-то из них местной заразой или просто на адреналине.

Возле самолета на коленях сидят ученые, рядом Леонидыч, пытается оказать первую помощь раненому охраннику, вокруг которого уже растеклась лужа крови, Вадик с остальными спасателями под прицелом автоматов участвует в ускоренной разгрузке. Захватчики подогнали пару микроавтобусов и грузят в самолет женщин, детей и собственные пожитки.

Второй кадр – людская лавина, разноцветная от ярких нарядов и пестрых баулов с вещами, несется от здания аэропорта. На заднем плане из разбитых окон диспетчерской вырывается огонь – гранату что ли они там кинули? Огонь подсвечен синими отблесками мигалок, чуть сбоку вдали спешат джипы миротворцев.

Совсем рядом с моей головой просвистела пуля. Пофиг, к черту конспирацию, херней какой-то страдаю, да еще бокового обзора себя лишил. Я опустил камеру и понял, что время упущено. Еще метров пятьдесят и толпа беженцев снесет захватчиков. Выстрелов стало больше, уже не только в воздух, но и под ноги самых шустрых, тех, кто вырвался вперед и теперь петлял, как заяц, но сбавлять ход и не собирался. Что же их так гонит из города, что под пули готовы лезть?

Хотя таких было немного, большая часть толпы, а точнее первые ряды тормознули, но деться уже никуда не смогли. Люди из задних рядов, не видя, что останавливает впереди стоящих, продолжали давить.

Я находился примерно на краю посадочной полосы, как толпа шарахнулась в сторону, и меня будто волной накрыло. Плотной, вязкой волной потных и липких тел.

Стрекот выстрелов и крики от озлобленных до истеричных трезвонили в ушах. Толпа раскололась, кто-то еще пер к самолету, кто-то пытался развернуться, а в некоторых местах люди бежали явно от чего-то другого, но я никак не мог это разглядеть. Как щепку, подхваченную волной, меня понесло в сторону и начало крутить, будто морская волна, накрывшая с головой. Меня толкали, я сам наступил на кого-то или что-то. Как не пытался маневрировать, все равно врезался в людей, отскакивал, как мячик, и упирался в новых.

Людская колоритная масса превратилась в какой-то сюрреалистичный паттерн. Черные и белые лица, разноцветные одежды, пестрые тканевые маски, наполненные страхом и безумством глаза. Крики. Липкая, потная возня, толчки, а где-то и краткие, жесткие драки, может показалось – но в ход шли не только чемоданы и кульки с пожитками, но кулаки и даже зубы.

Бешенство тут или что другое, но пока никто никого не ел. Один раз я видел белого мужчину со слетевшей на шею тканевой банданой и окровавленным лицом. Может, конечно, ему нос разбили в толчее, я хотел сделать пару кадров, вдруг пригодится, но стоило поднять фотоаппарат, как кто-то обязательно толкал под руку.

Работая локтем здоровой руки против потока, я продрался метров на сто ближе к зданию аэропорта, как вдруг понял, что могу вдохнуть полной грудью. Неожиданно передо мной оказалось свободное пространство. Какими бы ошалевшими не были люди, но инстинкт самосохранения, а может остатки разума, не затронутого паникой и общей истерией, заставляли их рваться в стороны от того странного человека, который оказался в центре свободного пятка.

Толпа расступилась, но вместо свежего воздуха я будто сделал шаг на склад старой мокрой обуви, в горле сразу запершило и несмотря на жару по телу пробежал холодок. Метрах в десяти от меня плелся странный мужик.

Местный, с кожей пепельно-черного, будто нездорового цвета он с трудом передвигал ноги. Выглядел плохо, был непривычно толстым для местных, даже частично жирным. Причем полнота была неравномерной, не так будто он годами жрал тоннами мучное, а скорее, как худой актер, загримированный под толстяка. Руки и ноги опухли и раздались вширь, а в животе спокойно бы уместилась парочка баскетбольных мячей. На груди рубашка нараспашку, когда-то на ней были изображены пальмы и кокосы, а сейчас только бурые пятна. На ногах грязные спортивные треники, растянувшиеся так, что больше похожи на короткие бриджи. Один шлепанец где-то потерял, второй застрял поперек лодыжки на резиновой дужке.

Что-то в нем было неправильно, какое-то чувство инородности во всем теле. Я уже видел в новостях кадры с заболевшими, те, наоборот, тощие, резкие с бешеным взглядом. А у этого борова в глазах страх, отчаянье, будто на убой идет.

Я пятился назад, спиной чувствуя, что людская стена сзади, наконец-то не давит. Многие, кто видел борова рванули в стороны, рядом со мной пожилая женщина, прижав к груди ребенка, бубнила под нос какую-то, я надеюсь, защитную молитву. Ребенок просто поскуливал, как, впрочем, большинство напуганных людей вокруг.

Но не все видели жирдяя, были и те, кто выскакивал из толпы, упирался ему в спину или пер, не глядя, в опасной близости мимо него, а потом отскакивал, как ужаленный.

– Да, что же ты, блять, такое? – в какой-то момент выдержка покинула и меня.

Пустой взгляд борова наконец-то сфокусировался. Он неуклюже взмахнул руками и поймав пробегающего мимо человека. Схватил за шкуру и потянул к себе, а второй рукой потянулся за новой жертвой. А потом весь затрясся, жир под рубашкой потек по телу волнами и даже будто слегка засветился изнутри.

На автомате я взял в руки фотоаппарат и навел камеру на жирдяя. Смотрел на него сквозь объектив, жалея, что это не коллиматор.

Мужик трясся все больше, пузо сокращалось, будто он пытается исторгнуть что-то и выплюнуть. Он засветился изнутри, накаляясь, и с мерзким громким «чвок» его живот разорвало, как от взрыва.

Через объектив все это выглядело ненастоящим, приглушенным, будто не в десяти метрах от тебя у мужика взорвалось пузо, а где-то там далеко, по другую сторону экрана телевизора. Я давил на кнопку спуска, щелкая скоростную серию до тех пор, пока большую часть кадра не заслонила какая-то слизь, прилетевшая от взрыва.

Я оступело опустил фотоаппарат, стараясь держать его на вытянутых руках и даже не дышать. Видел, что слизь с мясными ошметками попала на штаны и на броник. С плеча как раз медленно отваливался особо мерзкий кусок. Бодик камеры, объектив с фильтром – все было покрыто каплями. На руки тоже попало, но ни жжения, ни рези не было. Я судорожно пытался вспомнить, нет ли открытых ран или оторванных заусенцев.

А люди вокруг орали. Кто-то от испуга, кто-то от давки, потому что пространство вокруг расширилось на глазах, вроде и некуда уже давить толпу, а народ это делал. Человек десять, те, кто оказался ближе, корчились на земле, забрызганные слизью так, будто их что-то одновременно душил изнутри и жжет снаружи.

Меня затрясло. Не от боли, а от омерзения, брезгливости и страха. Страх что я не понимаю, с чем столкнулся. Какой в жопу вирус? Должно быть логическое объяснение. У всего здесь должно быть логическое объяснение.

Это какая-то террористическая атака. Просто смертник, на котором я не разглядел пояс со взрывчаткой, заgrimированный под полноту. Непонятно только, каким поражающим элементом его начинили. Химическое или биологическое оружие? Но тогда я уже заражен?

Остро захотелось вымыться. Воображение включилось на полную катушку, рисуя картинку, одну страшнее другой. Моментажно зачесалась кожа и запершило в горле. Я держал фотоаппарат на вытянутых руках, отодвинув его как можно дальше, но выбросить не мог, пальцы будто заклинило от липкой мерзости. На негнущихся, словно деревянных ногах я побрел к зданию аэропорта в поисках туалета.

Разреженная толпа, в которой все чаще происходили стычки, расступалась передо мной. Встречались следы похожих взрывов, но новых смертников я не встречал, старался именно их высматривать, чтобы не попасть под раздачу террористам второй раз.

Все больше попадалось тел, лежащих на земле, со следами не только слизи, но и крови. Я спотыкался о брошенные чемоданы, меня снова толкали. Люди шарахались в стороны, не понимали куда бежать, повсюду вопили, плакали, а порой и рычали, а за спиной (если я все еще правильно понимал направление), где остался самолет, по новой зарядили выстрелы.

Чем ближе к зданию аэропорта, тем тоньше становилась толпа. В зале ожидания остались самые нерешительные, сюда приехать смелости хватило, а что дальше делать не знали. Много детей, кучками облепивших родителей, горы сумок и чемоданов и, куда ни глянь, в ответ взгляды, переполненные страхом и надеждой. Надеждой на какое-то чудо, что кто-то,

может, власти (тут вроде многое поменялось с последней войны), придут, все разрулят и всех спасут. На то он и зал ожидания, видимо. Сидеть так и ждать.

Активность проявляли только мародеры, которые не только раскурочили торговые автоматы, но и прошлись по всем возможным стойкам и кабинетам.

Остановить меня никто не пытался. Мимо пробежала стайка местных парней, кто с охапкой газировки, а кто с монитором или системным блоком. Покосились на фотоаппарат, но заметив грязь, побежали мимо.

Я поискал табличку с указателем туалета, отметил какое-то нервное движение среди людей, парочка местных сцепилась с европейцами. Шумная, психованная блондинка набросилась на своего спутника, и ее пытались оттащить. Вроде хрупкая девчонка, миниатюрная, а брыкалась и шипела, как кошка, царапая лица вступившихся, а потом и цапнула одного из них.

В поисках туалета с меньшим количеством людей рядом, я отправился на второй этаж. С балкона разглядел общий зал, где как раз скрутили блондинку, но теперь психанул ее спутник и, пытаясь отбить подругу, раскидывал худеньких местных. Еще в паре мест наблюдалось нечто похожее, а возле маленькой кафешки оттаскивали мужика, вцепившегося в чужую ногу. Вроде даже зубами, с моего ракурса было сложно понять.

Орали при этом все, как резаные, – столько мата на разных языках в одном месте я еще не слышал. Народ, который не мог видеть, что происходит, дергался, забирался на лавки и урны, пытаясь хоть что-то разглядеть за спинами остальных.

На втором этаже и правда не оказалось людей. Здесь в основном располагались офисные помещения, уже разграбленные мародерами. Небольшой туалет на три кабинки и два писсуара нашелся быстро, но совсем пустым он не был. Кто-то заперся в кабинке, перед которой стоял белый спортивный парень. Скорее всего турист-серфер из штатов, было что-то в нем киношно-стереотипное, что сразу выдавало американца, а не, например, британца. Меня он не услышал, уткнулся лбом в кабинку, стучал по ней костяшками пальцев и умоляющим тоном, упрашивал какого-то Генри поскорее выходить или хотя бы открыть дверь. Генри явно был жив, в кабинке что-то шуршало, скреблось и билось о стенки – видать, жестко его там прихватило, фастфуд здесь суровый.

– Come on, bro, we ran away from the hospital not to piss away our flight in the toilet. Oh, fuck that, – давно не было практики, мозг еще не перестроился на автомате переводить все, что слышу. Так что отдельные слова: давай, больничка, побег, фак – вроде понимал, но дальше нужно было осмыслять.

А ведь действительно – фак, фак и еще раз фак! Картинка, как зараженные серферы сбегают из больницы, сложилась в голове в момент, когда я уже разложился у раковины и включил воду. Парень, наконец, заметил меня, и мы одновременно посмотрели друг на друга и оба вздрогнули.

Я, когда до меня дошло, что рядом может быть вирус, а он просто, когда услышал звук воды и понял, что уже не один. Парень напрягся, часто задышал, сжимая руки в кулаки, во взгляде раздражение и испуг.

– Do you need help? – показалось, что я подбирал слова целую вечность, но в итоге спросил, нужна ли ему помощь, хотя в голове крутилось только: «лондон из зе кепитал оф грейт британ» и успею ли я свалить.

Серфер подсудлся, плечи поникли, на одном из них я заметил несвежие бинты, выглядывающие из-под рукава футболки, а потом он и вовсе отошел к стене, сполз по ней на пол и начал всхлипывать, повторяя что-то похожее на «я просто хочу домой».

Прикинув, что до парня больше трех метров, а таинственный Генри снова затих, я чуть сдвинул камеру в сторону, нажмякал себе жидкого мыла и чуть ли не по локоть стал яростно оттирать грязные руки, поглядывая в зеркале за спину.

Я уже смывал мыло с рук, как неизвестный туалетный Генри заявил о себе. В кабинке зашуршали, начали скрести по защелке, но что-то видать пошло не так, и дверь кабинки затряслась от ударов изнутри, а на уровне человеческой груди появилась трещина. Генри лупил по фанерной дверке так, что непонятно, как еще щеколда держалась. Первый серфер среагировал странно, вместо того, чтобы подняться, да понять, что там с другом, он лишь громче заскулил, засучил ногами по полу и вжался в стену за одним из писсуаров.

Очередной удар и хлипкую преграду сорвало с петель, явив нам наконец Генри, выскокившего на середину комнаты.

И правда – «Бро», не близнец, но очень похож. С той лишь разницей, что первый серфер сейчас, как желе, растекся на полу, а этого будто иглы изнутри по всему телу колят. Трясется, потный лоб, пена на губах, глаза бегают между мной и братом, а взгляд так и кричит: «ща буду тут всех рвать», как у пьяного гопника, дорвавшегося до разборок.

Я замер.

Это не страх. Это выдержка и ничего больше – привычка затаиться на грани чего-то опасного, чтобы среагировать в нужный момент.

Генри, наконец, определился, кого он будет рвать первым, и с места, рывком, бросился на меня.

Жалобный треск дорогушей камеры из магниевого сплава – тот звук, который еще долго будет ассоциироваться у меня с фотоделом. Но удар фотоаппаратом, встретивший серфера в лицо, получился такой силы, что парень рухнул на пол и отрубился.

Я с удивлением посмотрел на камеру. Бодик треснул, а в заднем экранчике торчали ослепительно белые куски некогда голливудской улыбки. Вот ведь, блять. Фотик я, похоже, убил, но парень вроде шевелится.

На улице по новой застучали выстрелы, я посмотрел в окно, мимо все еще скулящего серфера, и увидел, что наш старичок «семьдесят шестой» только что взлетел.

ИЛ начал набирать высоту, но откуда-то со стороны аэропорта, практически из-под моего окна, с земли взлетела яркая вспышка и, оставляя дымный след, понеслась за ним.

Послышался взрыв, а потом еще один, когда сбитый самолет рухнул на землю. Прекрасный кадр с отличной композицией, если верить учебнику для чайников, но почему-то вместо желания сфотографировать, похолодела спина.

Абзац котенку, а точнее птичке. Я бросился к окну, пытаюсь высмотреть, откуда стреляли, и увидел там какого-то безумного туземного старика, радостно прыгающего вокруг использованной ракетницы. Все остальные люди замерли и, будто под гипнозом, смотрели в сторону, где упал самолет.

За спиной послышалась возня, рычание, похоже Генри начал приходить в себя. Я запоздало понял, что зря оставил за спиной двух предположительно зараженных.

Я резко развернулся в момент, когда на меня набросился Генри. Слишком долго я пялился по сторонам, а он слишком быстро, на повышенных оборотах рванул вперед. Одним прыжком он сократил расстояние и вцепился зубами в воротник бронжилета. Я отшатнулся и под звук разбитого стекла вместе с ним вывалился через подоконник.

Глава 4

Международный аэропорт Лунги. Фритаун. 15 марта 18:10

– Эй, на орбииниите! Коосмооонавт! Гагааариин!

Пробуждение оказалось не из легких. Очнулся будто рывком – дернулся, пискнул, но что-то мягко, но крепко держало за плечи. И если боль в спине чуть отступила, стоило только перестать дергаться, то в голове будто, как в колоколе массивный литой язычок долбил по затылку. К горлу подступила тошнота.

Пахнуло чем-то механическим с примесью гари и пороха. Где-то рядом гудел мотор на холостых. Я все еще у аэропорта, метрах в пятидесяти от здания, из которого выпал.

Слышны выстрелы, не просто шмаляют в воздух косыми или предупредительными, а настоящий бой. Кто-то орет знакомым до слез радости русским матом, а кто-то зовет меня. Я приоткрыл глаза и с болью, отдавшейся в груди, выдал гибрид смешка и кашля.

– О! Прессуха очнулся! Братва, я же говорил, что живой, – я лежал на асфальте, а надо мной навис солдат в голубой каске и лыбился, демонстрируя белые зубы с настолько большой щербинкой между верхних резцов, что казалось будто зуба не хватает.

– Что со мной? – меня мутило, я с трудом фокусировал взгляд. – Вы кто?

– А ты как думаешь, Андрюша? – солдат приподнял мой бейджик, а потом постучал себя по каске. – Голубые сказочные гномики, конечно. Я старший и зовут меня Леха.

Парень аккуратно приподнял меня, подтащил к зеленому бронетранспортеру, в тени которого мы все находились, и усадил к большому колесу.

– Мы тут дружественные народы из жопы вытаскиваем, ну и своих собираем. Скажи спасибо Егерю, нашему глазастому снайперу, что разглядел твое прилунение без капсулы. Посиди, подожди малясь, ща Док освободится, подлатает тебя.

Сидеть больно, но терпимо, и я наконец смог оглядеться. Бронетранспортер был странным, не наш, а вроде швейцарский – моваговская шестиколесная «Пиранья» в расцветке и знаках местной армии. В длину около шести метров и два в высоту, так что вдоль борта, не пригибаясь, расположилось несколько человек. Раненый боец, которого как раз бинтовали, еще двое по углам периодически высывались и стреляли куда-то в сторону взлетной полосы, сверху им помогал пулемет.

– Леха, а что вообще происходит?

– Тебе конкретно про сейчас или вообще?

– Пофиг, главное с фактами, а не домыслами, и с наводкой, куда делась моя камера с рюкзаком? Мне бы позвонить, – последнее слово я буквально проглотил, пришлось бороться с очередным приступом тошноты. Сотрясение, похоже, я заработал, а камеру чужую пролюбил. По крайней мере нигде вокруг я ее не видел, как и своего рюкзака, в котором остался смартфон.

– Это ты у меня интервью что ли берешь? Это хорошо, я ваш канал часто смотрю, – Леха подполз ко мне поближе, стараясь не отвешивать между колес, но при этом умудрился

расправить плечи. – Мы тут, в смысле в стране, пятый день. Для обеспечения порядка. Сейчас конкретно выдвинулись на встречу самолета с гуманитарной помощью. По дороге попали под обстрел, причем прилетело, как от местных гопников, так и от армейских. Дурдом полный, неразбериха.

– Армейских?

– Да тут хрен поймешь, говорю, же, бардак. То ли реальная армия, то ли транспорт отжать успели, – Леха сдвинул каску и протер вспотевший лоб. – Жарко тут, зараза, никак не привыкну. Короче! Те дебилы, ой, это вычеркни. Так вот, неопознанный контингент на «Пиранье», что на нас сунулись, быстро об этом пожалели, ну, а мы расширили свой автопарк, нам то нужнее.

– Ясно, а с эпидемией что?

– Ну, да, болеют тут. Нам сначала сказали в контакты с местными не вступать, но потом, уж прости мне мою политкорректность, но вот реально, дай обезьяне автомат, так она явно не кокосы им колоть будет, – Леха прыснул, радуясь своей шутке. – У них же тут в каждом подвале по нычке. Эхо, блять, войны. Да еще и не по одной. Так что тут не поймешь, кто болеет, а кто просто псих с автоматом.

– А полиция, власти?

– Полиция на карантине. Видать в первую волну попали, когда доблестно выполняли свой долг, мотаясь по вызовам. С больничками, кстати, та же фигня. Но сегодня вообще все с ума посходили, будто инкубационный период закончился, и всех как прорвало.

У Лехи закричала рация, и сквозь общий шум с трудом, но я все же расслышал чей-то голос, предупреждающий, что со стороны ангаров, то есть нас обходят с тыла, движется три технички с вооруженными людьми. Леха связался с основными силами, получил подтверждение, что в аэропорту все задачи выполнены и можно возвращаться на базу.

– Все, валим-валим, – Леха постучал по «пиранье» и дождавшись, когда она тронется и чуть повернется, помог мне подняться и повел к задним дверям. – Егеря подберем и на базу, по дороге тебя подлатаем.

Я позволил впихнуть себя в тесный кузов, хотел что-то сказать, но меня будто повело. Закружилась голова, и общее состояние заторможенности не давало сфокусировать мысль. Ребра болели, но хоть тут, думаю, обошлось без переломов.

«Пиранья» бодро сорвалась с места, когда технички уже открыли по нам огонь. Леха несколько раз матернулся, нелестно вспоминая обезьян, отправил незнакомого мне бойца в башенку с пулеметом и отдал команду стрелку готовиться.

Я оказался зажат в тесном кузове между Лехой и санитаром, который пытался меня осмотреть, повернул мою голову, светил в глаза фонариком и что-то говорил. Гул мотора, звон в ушах, выстрелы, рикошеты по броне, матерные выкрики соседей – даже будь голова в порядке, не факт, что смог бы разобрать слова санитара. В итоге он махнул на меня рукой, предварительно выдав несколько таблеток и бутылку воды.

Тошно и душно, под броником, который возможно спас мои ребра от переломов, липкое месиво. Да еще и чешется, зараза, но снять броник шансов не было.

Глоток свежего воздуха появился только, когда подбирали еще одного бойца в голубой каске, похоже, того самого Егеря. Сбавили скорость и распахнули задние люки. Меня уже совсем кошмарило, уткнулся лбом в стенку и с трудом косился наружу, но не залюбоваться картинкой я не мог.

На фоне закатного солнца в легкой дымке бежал высокий, крепкий, даже спортивный мужчина. Легко бежал, будто даже не напрягаясь. А за ним неслась разношерстная толпа обе-

зумевших людей, запачканных кровью. Некоторые явно были ранены, вот только пятна крови на рваной одежде никого не смущали. Безумие на лицах и тот темп, с которым они неслись, – это был не страх в поисках помощи, это была охота с очень сильной жадой добычи.

Я жмурился и тер глаза, стараясь разогнать головную боль в надежде, что картинка станет более реальной, потому что сейчас все было слишком неправильным и странным.

Стрелять по толпе не стали, кто-то со стороны водительского сиденья орал: «Огонь не открывать! Это, блять, гражданские!»

Леха матерился на это, но терпел. Я прям видел, как белеют костяшки его пальцев, сжимающие ствол автомата.

Егерь догнал нас и сперва забросил винтовку, а потом и запрыгнул сам, тесня сидящих. Меня толкнули, да так что я чуть опять не отрубился от болевого шока.

Люки закрыли перед носом у самого шустрого преследователя – местный работяга в синем комбезе, который уже почти ухватился за кузов. И тут уж сложно было валить на галлюцинации, я точно видел страшную рваную рану на шее с подсохшей кровавой коркой, которая совершенно не смущала чернокожего парня.

Машину тряхнуло, возможно, переехали кого-то на скорости. Меня впечатало лбом в жесткую панель, сознание стало покидать меня, и последнее, что я увидел, – руку на спинке сиденья запрыгнувшего в машину бойца с бледным следом от укуса на запястье.

Временный лагерь миротворцев. Окрестности Фритауна. 16 марта 12:50

Проснулся я от яркого света. Настолько яркого, что долго не мог понять, где нахожусь. Свежий ветерок в окно, пыль, светящаяся в солнечных лучах, – все как в детстве, будто я у бабушки на даче. За окном яблоневый сад, а чуть дальше пасека. В голове что-то гудит и жужжит, будто пчела над ухом, где-то за спиной звенит посуда, точно бабушка готовит завтрак. Очень хочется какао и ее фирменные вареники с вишней...

Но, нет. Воздушные первые мгновения после пробуждения отступили, и на смену им пришли обрывочные воспоминания...

Просыпался я плохо, тяжесть в голове лишь слегка ослабла, а в остальном будто вынырнул с приличного бодуна. Как если бы пил часов до пяти утра, а сейчас восемь и нужно ехать на работу. Дурацкое пограничное состояние, когда часть тебя все еще пьяная, а другая уже страдает от похмелья.

Зато в первое мгновение я не ощутил боли в ребрах. Жаль, что только в первое. Стоило поерзать, пытаюсь разобраться, почему так трудно дышать, да и тесно, как в смиренной рубашке, как вместе с воспоминаниями вернулась боль.

На мои охи-вздохи отозвалась медсестра, милая девушка с выразительными формами, такими, что есть, за что подержаться. А потом и врач подошел.

Осмотрели меня быстро, еще быстрее напичкали какими-то лекарствами и что-то вкололи. Диагноз оказался простой – ушибы, сотрясение мозга, да подозрение на трещины в ребрах. Лечение прописали древнее как мир – постельный режим.

Я пытался узнать у медсестры, что происходит в городе, но кроме общих слов про большое количество беженцев, частые вспышки агрессии среди гражданских и боевые столкновения с бандами, которые пытаются грабить город, она ничего не знала.

Лагерь миротворцев стоял за городом вдали от скоплений людей, так что по-своему тут было тихо. И скучно. Уже минут через пятнадцать я с закрытыми глазами мог нарисовать план расстановки мебели и описать каждую мелочь, которая здесь была.

Стены из голубого пластика, этакая строительная временка, только больше в размерах. Вроде крепкая, но нет-нет, а то и дело в голове всплывали ассоциации с незавидной судьба Ниф-Нифа и Нуф-Нуфа. Десяток коек, три из которых в дальнем от меня углу заняли солдатами с огнестрельными ранениями. Два тихих и смиренных в довольно тяжелом состоянии, а один все время стонал и что-то бредил о ходячих мертвецах.

Рядом с кроватями примостились стойки под капельницы и совсем хлипкие с виду тумбочки. Возле моей лежанки интересного было больше, на полу валялся бронежилет, а на тумбочке мой блокнот с ручкой, ножик и мелочь, которую выгребли из карманов. Еще кто-то положил кулек с неочищенным арахисом, у нас бабульки в таких семечки продают.

От осознания, что я потерял все свои вещи, становилось плохо, причем физически. И тут я уже сам стонал, как тот Шпак с двумя заграничными камерами, тремя объективами отечественными и всем остальным, нажитым непосильным трудом. Больше всего было жалко смартфон.

Надо было срочно позвонить Ксюхе, узнать, что решилось с «Глобалами» и смогла ли она найти что-то по маршруту Кати. Надо было найти Соколова и расспросить, как искать журналиста в чужой стране. Но у организма оказались другие планы, особенно после уколов. Я постоянно вырубался.

Каждый раз, когда выныривал из душного полудрема, пациентов прибавлялось. А к ночи добавили новые койки, сдвинув имеющиеся так, что ни о каком безопасном инфекционном расстоянии речи уже не шло.

Рядом со мной протянули толстую пластиковую штору, сквозь которую с трудом, но угадывались силуэты соседей. Ближайших точно лихорадило, они тряслись и ерзали по кушеткам.

Уже ночью, когда в голове хоть немного прояснилось, я не спеша, стараясь не делать резких движений, слез с кровати. Прислушался к ощущениям и понял, что вполне могу ходить. Грязная и местами порванная одежда вместе с ботинками нашлась в тумбочке, но обуться я не успел.

Сосед за пленкой стал метаться по койке, рычать и кашлять так яростно и громко, что прибежала медсестра, вроде та же, что и утром, но узнать ее можно было только по четвертому размеру груди, который не смог скрыть даже комбинезон химзащиты. Из-за маски у нее на лице, да сквозь штору, я не расслышал, что она говорила больному, когда виртуозно увернулась от его рук и что-то ему вколола. Он затих, а я с ботинками подмышкой махнул ей рукой и пошлепал на выход.

На улице оказалось довольно светло от фонарей и включенных фар и очень душно. Про ночную прохладу в этой стране видимо не слышали, градусник на двери упирался в цифру двадцать шесть, да еще и ветра не было. Но это не мешало жить лагерю активной жизнью.

У выезда из лагеря одни бойцы при полной выкладке грузились в заведенный и мерно гудящий «Урал», другие наоборот только приехали и укладывали новых раненых на носилки. С другой стороны, под навесами стояли столы с лавками и развернули полевую кухню, пахло тушенкой и на запах стягивались люди. Пара человек тащили новые койки к больничке, кто-то ковырялся с генератором. Особняком стояло два джипа с логотипами Global Diamond Corporation, возле которых терлись парни в пустынном камуфляже. Все шустро и суетливо, но без паники, будто уже пожар начался.

Я заметил Леху возле одной из палаток, сидящим на лавочке в окружении незнакомых мне бойцов, и пошел к нему. Он курил и что-то рассказывал, активно жестикулируя руками. И вкусно так это делал. В смысле не руками махал, а курил. Сразу же захотелось тоже. Но стремно, по шарам точно ударит, по сути первая сигарета более чем за сутки. А шары у меня сейчас поврежденные, медсестра утром строго запрещала и пить, и курить, даже кофе под запретом.

– А потом они из подвала полезли. Я первому папуасу говорю: стой, сука, стрелять буду, – Леха оказался неплохим рассказчиком, и сейчас вообще будто волну внимания поймал. – Ноль реакции, а глаза бешеные, будто он под чем-то. Я предупредительный дал в воздух, но реакции ноль, зато из-за угла новые появились. Я еще раз стреляю, уже по ногам, обезьян споткнулся, ногу волочить начал, но все равно прет. Я третий раз стреляю, валю на поражение, но так чтобы жизненно важное не задеть. Короче, я ему в корпус на нервяке четыре пули всадил прежде, чем он завалился. Но! Эта сука все равно встала, когда мы уже уезжали. Дырявый, что твое решето, а все равно за машиной поковылял и зубы скалил.

Леха заметил, что я тоже слушаю, замялся и стал разгонять слушателей, мол, потом, все потом.

– О, Прессуха, че, как? Полет нормальный? Куда без скафандра своего собрался?

– Закурить дашь?

– Бери всю пачку. И это, то что я тут рассказывал, это не для печати, лады. Нам строго запрещено по гражданским стрелять, скандала потом не оберешься.

– Ясен пень, – я покрутил пачку «Уинстона» в руках, оценивая риски в моем состоянии. – Слушай, это реально все? Это проявление болезни такое?

– Блин, это я тебе тоже не могу говорить, – Леха грустно усмехнулся. – Так скажу, инкубл, инк... инкубляционный период и первые стадии болезни, когда заканчиваются, народу будто башню сносит. Реально как звери нападают, прям жрут все подряд и боли не чувствуют. Я когда-то по молодости колес нажрался, так дикий стал, в драку полез, ментов даже раскидал, а потом на хавчик пробил, что «Ролтон» всухомятку жрал. А уж зараза эта какая или ужратые все какой-то местной дурью, так нам такое не докладывают. Но и этого я тебе не говорил!

– Принял. В больничке что-то народу прибавилось, стремные все какие-то, рычат, дергаются. Вдруг они того? Сейчас прям в лагере попрут?

– Я не знаю, – Леха вмиг стал серьезным. – Никто не знает. Есть приказ на эвакуацию. Собираем по городу мажоров-соотечественников, да валим на море. Будем в блокаде стоять, чтобы по воде из города никто не ушел. Тебя в круиз не зову, нет полномочий. Но по городу, можем подкинуть, если по пути будет. Пойдем-ка, пока у меня есть пара часов до крайней вылазки.

Прогулка по ночному лагерю далась мне, на удивление, легко. Я напросился в поездку с Лехой по городу и, кое в чем приврав, смог доказать ему, что способен не быть раненой обузой. Ехать они собирались в консульство, чтобы вывезти посла с семьей.

И вот район, где совсем недавно открыли российское консульство, меня интересовал очень сильно. Новый бизнес-центр Фритауна с расположенным там главным офисом местного отделения «Глобал корп» – был одной из моих целей.

Леха привел нас к грузовому контейнеру с надписью «Конфискат». Замка не было, но запорный механизм опечатали. Уверенно, будто не в первый раз, Леха подцепил пломбу, со скрипом открыл контейнер и, подсвечивая фонариком, пропустил меня внутрь.

– Эхо обезьяньих войн, экзотику только не бери, фиг патроны потом найдешь, – он водил фонариком, высвечивая сваленное в кучу оружие, а когда увидел, что я рассматриваю ППШ, перевел луч света на кучу сваленных пистолетов. – Здоровое тоже не бери, докопается кто-нибудь.

Из того, что было в контейнере, можно было музейную композицию устраивать. Не одной войны тут эхо отозвалось. В куче «Мосинок» проглядывались «Маузеры» и «Винчестеры»,

нашлась парочка французских «Лебелей» и даже один совсем уж экзотический мушкет. Рядом нависала еще большая куча с автоматами. Десятки покоцанных «Калашниковых» различных модификаций и стран производителей, немецкие «ГЗ», бельгийские «Фалы», парочка треснутых «эм-шестнадцатых» – если сначала неизвестный кладовщик и пытался ввести какую-то логику, то потом все просто закидывали, даже не входя внутрь контейнера.

– С чего такая щедрость-то?

– Я «Соколов ТВ» уже несколько лет смотрю, считай фанат ваш, – Леха улыбнулся. – Да и не солить же их, мы все равно свалим, а вам может пригодится.

– Спасибо, от души, – я искренне поблагодарил Леху. – А откуда это все?

– Так говорил же, мы первые дни как раз на разоружение местного бандитского контингента работали, – переступая через свалку и матерясь, Леха пробрался вглубь. – Ладно, сам тебе выберу, а то говна тут полно ломанного.

Вернулся он через несколько минут и протянул свернутый полиэтиленовый пакет. По ощущениям тянуло килограмма на полтора-два, прощупывался пистолет, несколько небольших магазинов и две пачки патронов. Я аккуратно развернул, чтобы ничего не выпало, и взял в руку старый добрый ТТ. Но при этом нулевой, будто только вчера смазку сняли. Заметил предохранитель и почувствовал подвох, пригляделся к рукоятке и не увидел букв СССР вокруг звезды, а потом и вовсе прочитал надпись MADE IN CHINA BY NORINCO.

– Китайский что ли? – разочарование не удалось скрыть. – Может, хотя бы югославский есть, а?

– Вот ты охувший, ценитель, бля. Ты стрелять-то хоть умеешь, папарацци? – Леха стал закрывать контейнер, бурча что-то нелicenseприятное в мой адрес.

– Немного, у меня все по классике, писарем в штабе отсиделся, – я взял в руку пистолет, привыкая к нему и проверяя, готова ли правая рука к возможному бою. – Откуда такое новье?

– Торгаша взяли вчера одного, он только расчехлился на продажу, а тут мы и нам нужнее. Берешь?

– Беру, конечно. А мобилы нет?

– А ты шустрый, – Леха усмехнулся, – Но неть, не положено.

Зашипела рация, вызывая Леху на срочное совещание, и мы договорились встретиться через два часа у ворот.

Десять минут у меня ушло, чтобы снарядить магазины, и вдвое больше, чтобы все же обуться. Все телодвижения с наклонами или взмахами руками отзывались резкой болью, как в голове, так и ребрах. Но я справился. Оставалось забрать броник и стрельнуть обезболивающих.

Вроде погулял немного, а на этой жаре, да с сотрясением, силы, наспанные за день как песок сквозь пальцы утекли. Старясь не разбудить мирно посапывающего соседа, на цыпочках подкрался к своей койке. Но понял, что можно было и не париться, за пленкой происходило что-то достаточно громкое.

Вскрикнула женщина, кто-то тяжело задыхался, настолько громко, что даже через толстую пленку послышался сиплый хрип. А вот разглядеть ничего было нельзя – просто темный силуэт в центре комнаты, едва подсвеченный тусклым светильником.

Я подошел ближе, темное пятно зашаталось и начало увеличиваться, а хрипы стали громче. Я прислушался, но вместо того, чтобы различить детали, наоборот, стал отчетливее слышать мерный гул генератора на улице и противный писк кардиомонитора, слившийся в одну ноту. Показалось или послышалось чавканье вперемешку с горловым храпом и шарканьем по полу.

Когда силуэт стал еще ближе, я попятился, и стараясь не шуметь, начал разворачивать пакет с китайским подарком. На ближайшей койке проснулся боец с огнестрельным ранением, моментально сориентировался и, держась за стойку от капельницы, попробовал подняться.

В этот момент темный силуэт с огромной головой или горбом, подсвеченный со спины, практически слился с мутной шторой. Кто-то пер с той стороны, стал шарить руками, натянул пленку и с треском и грохотом рухнул на пол передо мной.

Знакомая медсестра. Разбитая медицинская маска, остекленевшие глаза и лицо на перекошенной судорогой шее – она упала первая, лишь едва запутавшись в пленке. В спину ей вцепился тощий парень, короткие волосы были сплошь покрыты кровью, он, не смущаясь защитного комбинезона, зубами рвал шею девушке. Еще один вцепился ей в ногу.

Оба бледные, даже землянистые, а с короткими армейскими стрижками чем-то смахивали на вампиров.

– Ох, ты ж, блять, зомби. Реальные...

Едва слышно за спиной шепнул сосед, но этого было достаточно, чтобы первый, как заправский охотничий пес, сделал стойку. Оторвался, повел головой в нашу сторону и захрипел. А потом с места прыгнул на меня.

Глава 5

– Стреляй, долбоеб, – прохрипел раненый сосед и со всей дури припечатал прыгуна стойкой от капельницы.

Головная боль, ошеломление, адреналин – реактивная смесь взорвались у меня внутри. Кто бы сказал, что я буду таким резким, собранным и быстрым...

Никто бы не сказал.

Выстрела не последовало, осечка, блять. Спину прошиб холодный пот и вместо того, чтобы понять, что там не так с патроном и передернуть затвор, а потом в упор расстрелять бешеных зомбаков, я схватил с ближайшей койки металлическую утку и, разбрызгивая содержимое, ударил в голову второго зомби, отбросив его к соседу. Так ударил, что в руке остался какой-то погнутый огрызок. Сидя на койке, сосед принял «подарок», накиннул стойку на шею зомби и притянул к себе в жесткой сцепке.

– Швы разошлись, сука, – прохрипел сосед. – Кусается, зараза. Стреляй уже!

Первый зомби поднялся и замер, глядя то на меня, то на соседа. А с койки, где надрылся кардиомонитор, на пол свалился еще один труп, встал и принялся рычать.

Я перезарядился, молясь чтобы эхо войны хоть остальные патроны исправными послало в магазин, и прицелился, стараясь не думать, в кого придется стрелять. Зомби, вампиры или мутанты, кто угодно, но валить раненых, пусть и зараженных соотечественников не хотелось.

Первый рванул на меня и получил пулю в плечо, но едва ли сбросил скорость. Пуля прошла навывлет, звякнув где-то в дальней стенке помещения.

Расстояние сокращалось, и второй выстрел пришелся в ногу, зомби развернуло и отбросило в сторону. Но поднялся он моментально и, лишь едва прихрамывая, начал опять разгоняться.

Я пятился и стрелял, но получалось только сбивать скорость и сдерживать зомби на расстоянии. Я ждал, что выстрелы привлекут внимание, может придут санитары и усыпят их, но вокруг палить начали похлеще, чем у нас.

– В голову бей, их уже не спасти, – за спиной раздался знакомый Лехин голос.

Я вздрогнул от неожиданности и даже облегчения, а руки сами переместили мушку выше. Минус один.

Со следующим, который только-только двинулся в нашу сторону, таща за собой провода от капельницы и кардиомонитора вышло чуть дальше. Я уже прицелился, как он встрепенулся и бросился на нас, да и левая у меня слабее. Попал в лоб только с третьего раза.

– Крест, замри, – крикнул Леха моему соседу и напарнику по больничной битве и с первого же выстрела пробил висок зомби. – Ты как?

– Отбегался, похоже. Швы разошлись, – Крест отбросил тело и рухнул на койку, сжимая окровавленный бок. – Еще и руки все искушали.

Леха что-то пробурчал себе под нос и пошел по комнате. Завис над медсестрой, вслух попросил прощения и выстрелил ей в голову. Пошел дальше, останавливался у каждой койки, зависал на мгновение, будто прощаясь, и делал контрольный выстрел.

– Ты что же творишь, сука, это же наши парни, – взвыл Крест, пытаясь подняться.

– Нет тут уже наших, – крикнул Леха, и пройдя по всем койкам, вернулся к нам, – Нет ни наших, ни гражданских, ни мирного населения. И лекарства нет, все, кто заражен рано или поздно умирает и превращается вот в это. Любая царапина, а особенно укусы, и пиздец.

Я на автомате осмотрел себя, вдруг и меня задело, а потом скорее инстинктивно отступил от Креста, смотревшего на Леху отупевшим и неверящим взглядом.

– Леша, ты уверен? Откуда дровишки? – покашливая спросил Крест.

– Из штаба, вестимо, – грустно ухмыльнулся Леха, – Я хер знаю. Сказали, что какое-то бактериальное оружие.

– Пиндосы что ли мутят?

– Крест, без обид, – Леха вздохнул, – лагерь под атакой, эвакуация через час, а нам еще надо консула забрать из города.

– Понял. Только это...не вали меня, – Крест закурил сигарету и закашлялся. – Я сам порешаю, может помочь еще кому успею.

Леха больше не произнес ни слова. Кивнул Кресту, а потом мне указал на выход взмахом головы. Я только успел броник схватить, да Креста поблагодарить за помощь.

Леха шел быстро, может и побежал бы, но видел, что я пока отстаю. Периодически комментировал звуки вокруг: то ругал бойцов за длинные, будто истеричные, очереди, то отмечал с какой стороны лагеря прут новые нападавшие, то просто чертыхался, на пробегающих мимо и вопящих от страха людей.

Эмоций – ноль, он одинаково бычком в урну попал и с той же хладнокровностью пристрелил первого мертвяка, выскочившего из-за здания с полевой кухней. И даже, когда за первым выскочила целая толпа, только буркнул «Ходу, ходу».

И я поддал. Скрипя зубами от боли в ребрах и по новой пропотев, вцепился в броник, не желая его выбрасывать, и побежал.

Оторвались, а как только свернули к воротам и ждавшему там грузовику, получили прикрытие в несколько стволов.

Леха обратился к командиру, объясняя что-то про меня, а потом помог мне забраться в грузовик.

– Грузимся в шишигу, – крикнул Леха и запрыгнул в кузов.

Прижался к борту, и начал одиночными отстреливать прущих зомбаков, пока грузились все остальные.

«Шишига» проскочила через открытые ворота вслед за парой «уазиков» и, взревев двигателем, стала набирать скорость. Звуки стрельбы в лагере стали затихать, но чем больше мы гнали в сторону города, тем чаще и отчетливей слышались звуки перестрелок уже оттуда. За бортом проносились догорающие машины, темными пятнами лежали тела и мелькали какие-то тени.

Солдаты возбужденно обсуждали произошедшее, но напряжение с нервяком чуть спало. Леха потеснился и уселся рядом со мной и протянул какую-то сумку, то ли подсумок для гранат, то ли санитарный мешок советского производства. Внутри обнаружилось несколько банок тушенки, протеиновые батончики, таблетки сухого спирта, охотничьи спички и еще по пачке сигарет и патронов.

Сумка была старая с парой характерных дырок, но закрывалась, и главное – у нее была лямка через плечо. Я с благодарностью кивнул и быстро избавился от пакета. Кобуру бы еще, но итак царский подгон в моей ситуации.

- До консульства тебя подкинем, а дальше сам, уж извини.
- Да ну брось, идеальный план, мне как раз туда и надо, – я достал сигарету, понюхал ее и прислушался к ощущениям в больной голове, нет, пока рано. – Леха, а есть инфа по городу, что там сейчас творится?
- Болезнь, анархия и мертвяки, если в двух словах.
- Это в трех.
- Что? А, да пошел ты, фактолюб хренов.

Собрав внимание всех бойцов, Леха обрисовал текущую ситуацию в городе. Местная, не особо развитая армия, вместе с соседями заблокировали страну, полиция Фритауна отсутствует в принципе, половина больна, а вторую половину перебили бандиты.

В городе хаос, мародеры, часть районов под контролем банд, где-то хаотично организованы лагеря мирных выживших, но с большей частью города нет никакой связи, зато есть зараженные. Бизнес-центр еще держится, за счет большого количества охранных предприятий, в том числе ЧВК «Глобалов». Во всем остальном, если конец света, или как принято говорить у нас – «Большой пиздец» мог наступить, то во Фритауне он наступил.

И самое страшное, что где-то там среди всего этого хаоса была моя сестра. И лучше бы действительно сидела где-то в плену, чем потерянная бродила среди больных и бешеных уродов.

И если я правильно понимал деятельность журналистов в других странах, все эти официальные запросы и аккредитации, то был шанс найти какой-то след в консульстве.

Консульство РФ. Центральный район Фритауна. 17 марта 03:15

Заезжали мы с безлюдного черного входа, минут пять прождав, что нам откроют ворота. А вот утверждать, нет ли с другой стороны толпы соотечественников, которые жаждут эвакуации или убежища, я не берусь. Но здесь, во внутреннем дворике со всех сторон окруженного трехэтажными домами и похожем на большой колодец, никого не было.

До рассвета еще было несколько часов и света откровенно не хватало, фонари не работали и только из одного окна на втором этаже падал свет, да мерцал голубой экран телевизора, освещаая автомобили на парковке, мусорные контейнеры, разбросанные чемоданы и тело мертвого мужчины.

Леха с бойцами высыпали из грузовика и рассредоточились по периметру, первым делом засветив фонариками тело с парой красных пятен на белой рубашке и дыркой от пули в голове. Рубашка с короткими рукавами, черные брюки, короткий галстук и ременная система по типу подтяжек с пустой кобурой – охранник или водитель лежал в куче битого стекла в шаге от открытой двери заведенного, но пустого представительского «мерседеса».

Леха с ребятами по всем правилам проникновения на чужую территорию, разделившись и, контролируя сектора обзора и друг друга, бросились в дом.

Если Катя тут была, то скорее всего делала какой-то официальный запрос, а значит есть шанс найти что-то в архиве.

Тяжесть пистолета в руке прибавила уверенности и, стараясь никому не мешать, я вошел в дом. Чисто – и в прямом, и переносном смысле, пустые коридоры, много административных

и хозяйственных кабинетов и запах кварцевой лампы. Леха сразу же убежал на второй этаж, оставив несколько человек прочесать первый.

Я подождал немножко, наслаждаясь прохладой от кондиционера, и двинулся следом за группой первого этажа, ища на табличках надписи типа «Архив». Но сначала нашел кухню, едва успев вклиниться между мародерствующих бойцов и урвать пару бутылок с водой.

Архив нашелся в камерке под лестницей, сразу напротив центрального входа. Но войти внутрь я не успел, на втором этаже послышались крики на повышенных тонах. Не паникуют в предсмертной агонии, но психуют на грани истерики.

Когда я поднялся наверх, споры еще продолжались, но накал уже поутих. В большой комнате, заменявшей спальню семье консула, было тесно. Леха с бойцами, низенький мужчина в возрасте с едва намечающимся животом и такой же едва заметной сединой соответствовал фотографии консула, с ним жена и двое пацанов, плюс один охранник. Беззвучно работал телевизор, нонстопом передающий экстренное сообщение об эпидемии и бешеных зараженных.

– Нам надо срочно уходить отсюда, – Леха пытался сдерживать себя и подбирать слова, но было видно, что он на пределе. – Господин консул, у нас приказ доставить вас любой ценой, до отплытия меньше часа, а обстановка в городе чрезвычайно опасная. Мы уже потеряли первую группу, которая должна была вас эвакуировать.

– Да понимаю, я, – взвизгнул консул, – но и вы меня поймите. Мы не можем ее так бросить. Она дочь моего хорошего друга, очень важного человека. Я уверен, что вашему начальству уже звонят. Вы вообще знаете, чья это дочь?

Консул подошел к Лехе вплотную, что-то шепнул ему на ухо и выразительно посмотрел типа, ну что проникся?

– Да мне похуй. У меня приказ, привезти вас в порт. Даю вам две минуты.

Охранник консула с трудом сдержал улыбку, а вот на консула было страшно смотреть, он одновременно и побледнел, и пошел красными пятнами. Похоже так с ним еще не разговаривали, но проглотил, отдышался и взял себя в руки. Пристально взгляделся в Леху, будто запоминая, и заговорил.

– Хорошо, но вы можете хотя бы передать своим, может кто еще в городе. Пусть проверят кампус, там должна быть группа наших студентов из МГИМО, они здесь практику проходят. Это все дети очень обеспеченных людей, уверен, что их родители в долгу не останутся. Но важнее всего – Ольга Краснова, я сейчас покажу фотографию.

Я мысленно присвистнул. Аркадий Краснов основатель крупнейшей айти-компании входил в первую двадцатку богатейших бизнесменов нашей страны и часто мелькал в новостях не только с идеями импортозамещения, но и с новыми проектами, больше подходящими киберпанковым и фантастическим книжкам, нежели стране с подвисшей экономикой. И дочь его тоже мелькала, только в совсем других хрониках. И далеко не светских, которых можно было бы ожидать от золотой молодежи.

Наоборот, то с «Гринписом» китов спасает и голодных африканских детей, то с эко активистами защищает леса и саботирует свалки. Причем в первых рядах и, как правило, с проблемами, из которых ее всегда вытаскивал отец. Причем в прошлом году и с помощью «Красных волков», когда она чуть не отгребла от бандитов, сливавших отходы в заповедное озеро.

В общем, девчонка с характером и своим набором ценностей. А еще красотка, хоть и с кучей мелких татушек и волосами, выкрашенными в розовый цвет.

Консул протянул фотографию Лехе, а тот передал дальше и прежде чем фотка дошла до меня, парочка бойцов неприлично присвистнула. Я даже смотреть не стал, не моя это проблема, лишь мельком убедился, что волосы все еще розовые. Уверен, что во Фритауне сейчас немного перекрашенных блондинок с голубыми глазами и татушками в панк-стиле, аля плохая девочка. Надеюсь, все у нее будет хорошо.

Леха пообещал сделать все возможное и погнал семейство на выход, а проходя мимо легонько ткнул меня в плечо.

– Бывай, прессуха, – Леха протянул руку, – не забудь про меня в вашем шоу. Только не пиздите все то, что я тебе наговорил, а просто пусть Соколов скажет, что Алексей Коробов передает привет батьке и матери.

– Я постараюсь.

– Добро. И это, там возле медсанчасти «глобалы» тобой интересовались, кто такой, да откуда. Не нравятся мне эти педики, так что будь осторожней.

Как только внизу хлопнули двери и «шишига» поддала оборотов, я выключил свет в комнате, чтобы не привлекать лишнего внимания. Стал искать пульт от телевизора, но картинка сама сменилась на темный экран с надписью SIGNAL LOST.

Вот так, в тишине и в одиночестве – все, как я люблю. С Лехой и бойцами, конечно, надежней, а с Мирным и Бамосом, так вообще, как у Христа за пазухой, но одному мне нравится больше. В своем темпе, своей головой и без оглядки на кого-то, мне работается комфортней. С шашкой наголо я не бегун, если не припрут, выдержка и расчет в приоритете.

Прислушался и замер. Переждал пронесшуюся машину с возбужденно галдящими бандитами из местных. Только двинулся, но услышал топот ног, долбежку в двери, рычание, а потом и душераздирающий вопль. Город явно не спит, хоть и живет какой-то очень странной жизнью. Хотя скорее уж смертью. Но до консульства еще не добрались.

На архиве явно сэкономили, не заморачиваясь, запихнув его в подсобку под лестницей. Узкая стойка-перегородка, тесное рабочее место и парочка полупустых стеллажей с папками. Даже с учетом того, что консульство открылось меньше года назад, было понятно, что работой они тут не перегружены. Прикинув по дате, когда сестра могла быть здесь, быстро нашел нужную папку.

А потом и официальные бланки запросов от имени Екатерины Гагариной.

На первом просьба посодействовать в получении доступа к закрытой для туристов библиотеке при старом здании колледжа Фура-Бей, а на втором едкая жалоба на бездействие и халатность работников консульства. На обоих бланках стояли штампы: «взято в производство» и «отказано». А еще нашлась приписка, сделанная от руки карандашом: «*Предупредить Дугласа*».

Я знал двух Дугласов.

Дугласа Адамса – писателя фантаста, автора «Автостопом по галактике», и Дугласа МакКорти – одного из полевых командиров «Икзекьютив Ауткамз», который позднее возглавил местную службу безопасности «Глобал корп». И что-то мне подсказывало, что речь вряд ли шла о фантасте.

Я еще раз наведалься на кухню и перекусил, обдумывая дальнейший план. Сна не было ни в одном глазу, то ли отоспался, то ли мозг, чувствовавший опасность в каждом темном углу попросту боялся отключаться.

Сколько у меня было времени, я не знал, может вообще уже все поздно, но решил не расслабляться, а начать поиски Кати с библиотеки в колледже. Если я хоть чуть-чуть знал свою сестренку, то никакой официальный отказ ее не остановил. Так что едем в Фура-Бей.

На парковке ничего не изменилось, мертвый водитель с дыркой во лбу, похоже был мертв окончательно и никуда не сбежал. А разбросанные вещи консул с семейством забрать не успели. Я пошарился немного в поисках хоть чего-то полезного, но ни деловые костюмы, ни тем более женские, хоть и летние платья, не заинтересовали. Взял только аптечку из машины – фирменную «мерседесовскую» черную сумочку. В основном бинты, но в текущей ситуации их мало не бывает.

Вяло поборовшись с жадностью решил прихватить и из второй машины. И то ли организм все же подустал, то ли очередной шум машин на улице сбил с мысли, но я расслабился. И то, что в багажнике кто-то заперт, понял только в тот момент, когда распахнул крышку. Черное-белое пятно с рычанием метнулось на меня разинув пасть, я среагировал и дернул крышку багажника вниз.

Но лишь слегка опустил ее, а дальше включился клятый электронный автодоводчик. Хоذا крышки хватило только на то, чтобы зомби стукнулся лбом и откинулся обратно в багажник.

Все произошло так быстро, что соображалка не успевала. Надо было просто давить на крышку и запереть багажник, но мозг лишь отметил, что это молодой чернокожий парень, в форменной белой рубашке работника консульства. Я на автомате поблагодарил высшие силы, что не женщина и тем более не ребенок, а руки уже сами начали палить. Не прицельно, но кучно. Последняя пуля в магазине прошла уже сквозь закрытый багажник.

Нахлынувший адреналин отпустил и выжег остатки сил, я сполз по бамперу на асфальт и, прислонившись к машине, начал перезаряжать магазин.

Руки все еще дрожали, а голова кружилась от все-таки выкуренной сигареты, когда за воротами завизжали тормоза и сразу несколько пар фар вывернули на здание консульства. Кто-то спрыгнул на землю, хлопнула дверь и послышались ровные шаги. В ворота несколько раз ударили чем-то тяжелым, а потом крикнули на нашем языке, но с ужасным американским акцентом:

– Тук-тук! Красный вьелк, мы тьбя по всей Европе искать, а ты сам пришел. Как там будьеть по-вашему? Кто на «Глобал корп» попрьет, тому и есть пьездец, да?

Глава 6

Консульство РФ. Центральный район Фритауна. 17 марта 04:05

Я вздрогнул, но не от нелепых, а с учетом акцента еще и смешных, угроз «глобаловских» парней (в том, что это были они, я не сомневался). Вздрогнул я от шума за спиной.

Тело в багажнике дернулось, послышался слабый удар. Потом еще и еще, каждый раз сильнее, будто у человека внутри нервный припадок. Только вот сколько бы он там ни бился, он не произнес ни звука – просто дышал. Тяжело и с подхрипами – ровно так же, как на записи сообщения от Кати.

Я не знал, сколько времени потребуется «глобалам», чтобы пройти ворота – перелезть не смогут, там створки на всю арку. Но ждать ничего хорошего смысла не было: то, что они продолжают кричать то по-русски, то по-английски, говорит только о том, что они либо готовятся к штурму, либо уже обходят меня со всех сторон.

Встать смог только со второй попытки, оперся на бампер, будто о батарею, в любой момент готовый отдернуть руку, как от горячего. Очень хотелось оказаться подальше от багажника, самой машины, да и вообще этого места.

Наскоро собрал пожитки, рассыпавшиеся из подсумка, а заодно нашел простенькую кнопочную «Нокию», вероятно, потерянную пассажиром из багажника. И, шарахаясь, побежал в дом.

Весь первый этаж в решетках, парадная дверь изнутри дополнительно обвешана цепями на массивных латунных ручках. Держась за перила и почти задыхаясь, вбежал на второй и бросился в комнату с балконом, выходящим на какую-то площадь.

Не зажигая свет в комнате, подполз на корточках к стеклянной двери, за которой виднелась решетка. Даже не балкон вовсе, а лишь оградка с минимальным выступом. Резко высунулся, сразу же спрятался обратно и даже откатился в угол комнаты.

Тишина. Ни снайперских выстрелов, ни прожекторов, шарящих по стенам. Отполз к входной двери и повторил все маневры, только зайдя с другой стороны. А потом уже смелее стал разглядывать площадь, сдерживая рвущийся наружу мат.

Несколько витиеватых чугунных фонарей, бликующих на брусчатке. Слева под углом линия кафе с перевернутыми столиками, справа разбитые витрины магазинов и болтающийся на проводе неоновый крест аптеки. И люди. Если, конечно, в них осталось хоть что-то человеческое.

Темные силуэты с опущенными руками и неестественно вывернутыми шеями бродили за окном. Я насчитал больше двадцати штук, рассредоточенных по площади плюс-минус в пяти метрах с одинаковым интервалом. Короткие шаги, словно старческие, движения дерганые, потерянные – какая-то осмысленность и реакция появлялась только на шум. То крест скрипит на проводе, то битое стекло выпадет из рамы – моментально, как по команде «смирно», встряхивались тела, но не имея продолжения, возвращались в прошлое состояние.

Справа на самой границе обзора, благо что прямо под фонарем, я разглядел три тела, на карачках нависших над четвертым. Я даже потер глаза, опасаясь, что сотрясение творит со мной жуткие шутки. Но других вариантов оценки происходящего мозг не подкинул. Троица склонилась не просто так, а с конкретной целью – они жрали.

К ним было сунулся один из потеряшек, но не успел подойти и на три метра, как те моментально оторвались от трапезы, развернулись на него и оскалили зубы. Меня чуть не вырвало, когда ближайший в момент рыка выронил изо рта шмоток мяса с висящей на нем кожей.

Бляяаяя, на эту площадь я не полезу. Пусть за спиной хоть тысяча «глобалов», лучше к ним. Авось сразу не убьют.

Меня будто парализовало, я даже отвести взгляд не смог. Это какой-то сюр, я как загипнотизированный смотрел на этот кусок мяса. Как светлые жилки застряли в зубах, как мясо шмякнулось о брусчатку и откатилось к канализационному люку.

За спиной что-то громыкнуло, на таран похоже прут. Звук хоть и был далекий, но монстрам на площади этого хватило. Все, как по команде, задрали головы и стали озираться в поисках источника. Четверо ближайших ко мне дернулись и на бешеной для таких доходяг скоростью бросились куда-то за угол.

Я тоже сорвался. В голове хоть и с запозданием, но щелкнуло что-то, подсказывая выход. Канализационный люк! И я уверен, что видел такой же во дворе консульства.

Выскочил во двор в момент второго удара в ворота – створки прогнулись, показав часть вертикальной решетки радиатора пиндосовского «хаммера», но выдержали.

Я бросился к «мерсу» и в очередной раз простонал: «Ну, бляять». Люк действительно был, и на мое счастье, современный – из композитных материалов, а не чугунный, с неподъемным для меня сейчас весом. И я даже смотрел на него и мог потрогать, вот только заднее колесо «мерса» стояло аккурат на краю, на морде выгравированного льва, закрывая не только часть герба Сьерра-Леоне, но и мой путь к спасению.

Следующую минуту меня трясло, я, будто в тумане, метался, психовал и матерился. Но голова не соображает, зато руки делают. Особенно под таранные удары в ворота. В машине ключа не оказалось, возле машины и под ней пусто, у мертвого охранника тоже. Плечо взвыло разрядом боли, когда я попытался просто столкнуть почти двухтонную тачку – чертов «паркинг» с автоматической коробкой. Я слышал, что как-то можно без ключей переключить на нейтралку, но все-таки не мой профиль.

Я так сильно не хотел лезть в багажник, где все это время бился припадочный зомби, и проверять его карманы, что уже всерьез намеревался пусть не дать победный бой «глобалам», но хоть жизнь продать подороже.

А потом я вспомнил про домкрат в багажнике, откуда я уже подрезал аптечку.

И уже через пару минут, аккурат в момент, когда ворота, проталкиваемые «хаммером», с грохотом распахнулись, я стоял на скобах, заменявших лестницу в канализационной шахте, и пытался банкой тушенки сбить домкрат.

Получилось неожиданно сразу. И когда колесо понеслось мне на голову, я дернулся, больная рука подвела, а нога соскользнула с ржавой железки, и я полетел в темноту.

Боли не было, точнее какой-то новой или сверхострой – свалился в кучу мусора из подгнивших, и, видимо, оттого мягких, пальмовых листьев. Пока глаза привыкали к темноте, прислушался к движухе над головой. Машина накренилась, когда колесо провалилось в люк и частично заблокировало проход, перекрыв почти весь свет со звуком.

Там шел бой, причем палили от души – либо познакомившись с моим другом из багажника, либо вообще собрав на звук пол округи.

Я пожелал удачи зомбакам и, трогая прохладные трубы, идущие вдоль стены, побрел в сторону едва видимого светлого пятна.

Найденный телефон работал, и в нем даже нашелся фонарик, вот только сигнал сюда не проходил. Как только выберусь, наберу Ксюхе, надо бы прояснить ситуацию по «глобалам». А пока бежать. Как можно быстрее и желательно в сторону колледжа.

Тонкий ручеек вонючей жижи тек по центру тоннеля, но я, даже идя по бортику, старался высоко поднимать ноги, так как слышал шуршание крыс. А парочка сверкнула бусинками глаз

в свете фонарика. Пахло странно, ни вонючим дерьмом, тем самым которое не тонет, а скорее гнилью. Запах тухлых листьев смешивался с остатками еды, забытыми в мусорном ведре на все выходные во время поездки на дачу. А еще пахло кровью. Когда проходил перед неприметным ответвлением, теплый порыв воздуха чуть не придавил тяжестью этого запаха.

Я шархнулся от проема и в отличии от типовых героев всех фильмов ужасов, которых тынет, куда не надо, побежал дальше по тоннелю. На стенах все чаще попадались темные пятна, но утверждать, что это кровь, я не берусь, уж слишком слабый свет у фонарика в телефоне.

Чем дальше я удалялся от консульства, где судя по всему недавно сделали ремонт, тем все выглядело старше и запущеннее. Ржавые позеленевшие трубы торчали из прореженной кирпичной кладки. Больше всего дырок было в потолке, то тут, то там виднелись провалы выпавшего кирпича, и казалось, что крыша может рухнуть в любой момент. Под ногами стало больше мусора, попадались застрявшие в ветках человеческие вещи – кепка, шлепанец, рваная майка, брюки с одной штаниной – все так же в темных пятнах, и уже без вариантов, что это кетчуп или малиновое варенье.

Примерно через час плутания и запутывания следа, я вышел в какое-то техническое помещение с резервуаром, куда стекала вода сразу из нескольких труб по стенам. На дальней стороне примерно на двухметровой высоте был выступ с ржавой лестницей, а на нем уже скобы, ведущие на улицу.

А еще я нашел труп. Полусгнившие голые кости торчали из кучи с пальмовыми листьями, сваленными у стены в форме полукруга. Первая ассоциация – сука, это гнездо, а потом сразу вспомнились слова вирусолога из телека, что нам неизвестно, как болеют местные, которые не обращаются в больницы.

Труп оказался не один, чем ближе я подходил и высвечивал фонариком, тем больше костей мог насчитать. Я не знаток анатомии, но здоровая толстая палка похожая на смесь биты и клюшки ничем иным, кроме бедренной кости, быть не могла. И только таких я насчитал девять штук.

– И кто же тут, блять, такой прожорливый, – понимаю, что лучше было не шуметь, но уж очень захотелось услышать человеческий голос, пусть и свой собственный. Это я зря, мог бы и потерпеть.

Но хуже было то, что мне ответили. По трубам разнеслось рычание, будто кто-то массово начал глухо рыгать, а потом гулкой топот. В темноте я не мог понять откуда идет звук, да еще и эхо в трубах добавляло – может, бежало несколько, а может, только один или одно, но на четырех лапах.

Я бросился к лестнице, завязнув в мокрых листья. И пер, будто по сугробам. Медленно, слишком медленно. Вбежал на выступ и уже тянулся к скобам, как за спиной что-то выскочило из трубы, захрипело и, скребя по кирпичам, прыгнуло на меня. Волна вонючего прелого воздуха, холодные брызги мерзкой канализационной воды на шее, хер его знает, может и шестое чувство – я вжался в стену и, сжимая в одной руке пистолет, а в другой фонарик, обернулся в тот момент, когда существо было в метре от меня.

Фонарик высветил жуткую рожу – это уже не человек, а может никогда им и не был – губы отсутствуют, кривые зубы не помещаются в челюсти, широкий приплюснутый нос и бугристая лысая голова. Чуть ниже, еще в пятне света, мелькнули черные кривые когти, летящие в мою грудь. Я завопил матом и, не целясь, даже не поднимая руку, начал палить из ТТ.

Восемь пуль в магазине – как же мне этого было мало, но тварь заверещала и, обдав меня гнилыми слюнями, свалилась с лестницы, исчезнув из луча света. Оглушенный выстрелам я не только не слышал ее, но и не видел. Быстро перезарядил магазин и, подложив руку с фонариком под рукоять пистолета, медленно пошел по вниз. Надо добить, не ради научного интереса и не в угоду фильмам ужасов, просто не хочу оставлять подранка за спиной, когда буду одной рукой карабкаться по скобам.

Нашел пятна черной и густой, будто машинное масло, крови, чуть не поскользнулся на гильзе, потом еще кровь и несколько сломанных костей на краю гнезда – место падения монстра. И все – ни тела, ни кровавого следа, уводящего в одну из труб – будто тут никого и не было.

Тварь прыгнула сверху, полоснув когтями по воротнику бронежилета и отбросив меня в кучу листьев. Фонарик отлетел в мусорную гору, оставив совсем крошечное светлое пятно, через которое снова метнулась тень.

В этот раз я успел среагировать, откатился к стене, и пока тварь меняла траекторию, нырнул в одну из труб и молясь, чтобы сзади к монстру не пришла подмога, спиной заполз вглубь и выгнулся, прикрыв яйца пистолетом в крепко сжатых, но дрожащих руках.

А когда тварь темным силуэтом высунула морду в проем и стала шарить лапой, пытаюсь меня достать, разрядил второй магазин ей прямо в лоб. На самом деле последние четыре пули я влупил уже в мертвую скотину и это был не контрольный выстрел для надежности, это была месть за тот ужас, что я пережил.

Бывали случаи, когда прижимало на службе так, что уже с жизнью прощался, оценивая ситуацию. Но этот страх – что-то от первобытного, ядреная смесь ужаса, адреналина и жажды жизни. А еще какой-то межвидовой обиды, я же человек, высшая ступень эволюции, а ты вообще не должен существовать в природе. Не бывает таких, меня так в школе учили.

Еще вроде учили, что хищник в логове один, остальные боятся, так что я дал себе пару минут успокоиться, дождался пока перестанут трястись руки и перезарядил все магазины. Выберусь отсюда, надо будет ствол помощнее достать и с магазином побольше, но ТТ не выкину. Приберегу на удачу, пусть останавливающее действие у него спорное, зато проникающее отработало на ура.

Выбрался из трубы, когда понял, что уже просто нечем дышать: ручеек помоев, холодивший спину, едва ли уступал в вони трупы, перекрывшему выход. Пришлось, делая паузы на головокружение, активно работать ногами, чтобы вытолкнуть тушу монстра. Ботинок противно чавкал, с каждым ударом погружаясь в пробитое пулями месиво. Так что когда я, наконец, вылез, подобрал фонарик и попытался подробней рассмотреть, что же это за тварь, то еле сдержал тошноту.

Бугристая лысина плавно переходила в канаты мышц по всему телу. Но все же это был человек, и похоже из местных. На спине прилипли замызганные до неузнаваемости остатки обычной майки-алкоголички, а на ногах такие же грязные шорты. Ни шерсти, ни каких-либо наростов или язв на черной коже не было, сплошные мышцы, как у спортсмена на сушке. С пропорциями тела было что-то не так, когтистые руки казались длиннее или ноги короче, но явно именно это строение и помогало ему скакать на четвереньках.

Когда я уже был у крышки люка и пытался поднять его здоровым плечом, помещение опять наполнилось звуками. Шаги, только медленные, и много: шарк-шарк, шарк-шарк и громкое дыхание, слившееся в один общий хрип, а потом и жадное чавканье. Эти вроде медленные, да заняты тварью, но общаться с ними я не стал и, поднатужившись, сдвинул крышку люка.

Чуть не кончил от свежего прохладного воздуха. И минуту не двигался, наслаждаясь, а заодно и слушая, нет ли кого рядом.

Убедившись, что путь свободен, по крайней мере в зоне видимости, наконец, выбрался наружу. Обычная узкая улочка, так что два автомобиля одновременно не проедут, с невысокими (не более трех этажей) жилыми домами.

В рассветной дымке здания выглядели пустыми, заколоченные двери и решетки на окнах первого этажа. В паре окон наверху заметил движение, занавески всколыхнулись, силуэт мелькнул. Но никакой агрессии не было, обычные похоже люди, которые боялись меня больше, чем я их.

Короткими перебежками, от угла до угла двинулся вперед, каждый раз замирая и изучая обстановку.

В паре домов от перекрестка остановился совсем надолго, просто сполз по стене и не смог встать. Плечо уже не ныло, а пульсировало и вопило, будто утыканное раскаленными иглами, и мешало просто закрыть глаза и уснуть. Но в вязкое состояние полудремы я все же вошел, выключился буквально на секунду, так бывает, когда долго едешь за рулем, а тебя рубит. Ты держись, держись, а потом оказывается, что все твои потуги – это уже сон, и выныриваешь в страхе.

Вот и сейчас меня повело, привиделось, что сестра шепчет на ухо: «закрой глаза, отдохни». Только вот шепот был какой-то странный, глухой и далекий.

Вынырнул я от удара. Что-то мягкое прилетело по голове. Я вздрогнул и увидел перед собой детский мячик. Обычный резиновый мячик в красно-зеленую полоску отскочил от меня и катился по улице. Я посмотрел наверх и увидел пацана лет семи в открытом окне второго этажа, который строил мне рожи и махал рукой куда-то в сторону. В ту самую откуда слышался шепот.

Я повернул голову и увидел мертвяка шаркающего всего метрах в десяти по улице. Он то дергался, то зависал, шипел и что-то бормотал так, что это действительно было похоже на шепот. Меня он пока не видел, но еще несколько шагов и скорее всего учует.

Пистолет ощущался как минимум с пудовую гирю, даже поднять сначала не смог, только на ногу положил. И только уже двумя, пусть и дрожащими руками, приподнял и попробовал прицелиться.

За спиной над крышами выглянули первые лучи солнца и осветили мне мишень в полной, хоть и жуткой, красе. Но зомби это не понравилось. Он встrepенулся и зарычал, оскалился на встречу солнечным лучам, но тут же отвернулся и сменил траекторию движения подальше от меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.